

ДРОЗД и МАЛИНОВКА

Марианна Красовская

Марианна Красовская

Дрозд и малиновка (Маски #3)

Мальва — Хозяйка Дивного Сада, закрытой и очень престижной школы для девочек. Она считает себя счастливой, ведь у неё есть деньги, любимая работа, нелюбимая дочь и вечная молодость. Но когда в зачарованном саду появляется раненый незнакомец, идеальная жизнь начинает рушиться, как песочный замок. Кто он? Как попал в школу? От кого прячется? И почему в его присутствии давно застывшее сердце начинает биться чаще?

Annotation

Мальва — Хозяйка Дивного Сада, закрытой и очень престижной школы для девочек. Она считает себя счастливой, ведь у неё есть деньги, любимая работа, нелюбимая дочь и вечная молодость. Но когда в зачарованном саду появляется раненый незнакомец, идеальная жизнь начинает рушиться, как песочный замок. Кто он? Как попал в школу? От кого прячется? И почему в его присутствии давно застывшее сердце начинает биться чаще?

Дрозд в малиннике

1. Пролог
2. Гюйдо
3. Странные дети
4. Дивный Сад
5. Гости
6. Новые знакомства
7. Чужак
8. Манеры
9. Школьные будни
10. Загадочный Кейташи
11. Разговоры
12. Кто опаснее
13. Песочный замок
14. Мэйгут
15. Предприимчивость
16. Выбор и его последствия
17. Ночь не для разговоров
18. Репутация
19. Начистоту
20. Выгодная сделка

Дрозд в малиннике

1. Пролог

День начался суматошно. Привезли двух новых девочек. Не сказать, чтобы проблемных, во всяком случае, одна была немного с кровью фэйри, но совсем не странная. Просто очень красивая. Я ее не взяла, мягко объяснив родителям, что школа моя переполнена. У меня только тридцать постелей для учениц. Больше я никого не беру.

А вторую домой отправить не смогла: по ее глазам было видно — она не справится самостоятельно. Пятый, ненужный ребёнок в семье, лишний, да ещё с врождённым уродством — хромоногая. Не забирай я ее, родители сдали бы ее в бордель или продали в рабство. Такие у меня уже были, не чудные, не дивные, не странные: просто ненужные. Платили за них полную сумму, поэтому я брала. Не выкидывать же их, как котят на помойку. Была бы на месте лея Ши — она бы ругалась, но старушка как раз уехала в город за чем-то очень нужным.

Она и ругалась, но матрас ещё один нашла в кладовке. Потом купим и по-

стель. Пока же я уступила девочке свою, сама перебравшись на жёсткий тюфяк.

Наверное, это глупо. Таких вот «никчемных» у меня теперь четверо. Каждая из них — удар по репутации школы, которая после первого выпуска взлетела до небес. Раньше у нас был маленький дом и всего шесть учениц. Теперь же — тридцать девочек, фанлой (*каменный дом буквой «п» с внутренним двором, обычно вымощенным камнем) в два этажа с садом вокруг, шесть учителей и три могущественные покровительницы. Четыре даже, но про последнюю чужие люди не знают, да и знать им этого не нужно.

И я вот уже восемнадцать лет Хозяйка Дивного сада — именно так называется наша школа. Потому что каждую девочку мы возвращаем как цветок.

Основательницей школы была лея Ши, старая оборотница. Да и школа когда-то была создана для оборотней, коих в Ильхонне не слишком любят, во всяком случае, в обычные школы их принимают со скрипом зубов. Да и учили тут когда-то лишь чтению, каллиграфии и законам — для того, чтобы юные оборотницы могли найти хоть какую-то работу в Ильхонне.

Я не ильхонка, я — гюйдо, круглоглазая демоница. Белокожая, рыжая и с зелёными глазами. Сначала мне было здесь, на островах, очень сложно из-за разреза глаз и цвета волос, а сейчас мне завидуют и подражают.

— Мальва, зачем нам лишняя ученица? — ворчит лея Ши. — Ты сама знаешь, что из неё не вырастет танцовщица.

— Из моей Мэйгут тоже невесть что вырастет, — привычно напоминаю я. — Боюсь, ничего хорошего.

— Твоя Мэйгут — дочь демона. А эта хромоножка... пустышка.

— Ну что ж, значит, нам нужно вырастить из неё доброго человека, а это тоже непросто.

Против такого аргумента матушка Ши возражений не нашла, только улыбнулась и нежно поправила мне ворот рубашки. Для неё, не привыкшей к прикосновениям, это высшее проявление заботы.

Девочка с узелком в руках, что следует за нами как безмолвная тень, почтительно замирает в нескольких шагах, пока мы с матушкой Ши беседуем. Конечно, она все слышит. Я уверена, что хромоножке сейчас страшно, больно и обидно, но это часть ее обучения. Здесь никто никому ничего не должен. Девочкам приходится тяжело трудиться. Да и учителя не ленятся: не так-то просто вырастить из тех крошечных ростков, что сюда привозят, дивный цветок с головокружительным ароматом.

— Тебя будут звать Лейзи (*цветок сливы, ильхон.), — равнодушно сообщаю я девочке. — Жить будешь с Молихо и Байше.

— Но я... — лепечет девчушка. — Меня зовут...

— Забудь, — мне ее жаль, но я холодна и непреклонна. — Ты Лейзи, слива. Здесь у всех новые имена. — Ясно?

— Да, лея Мальва.

Что ж, она быстро соображает. Возможно, из неё выйдет толк, хотя пока я этого не вижу.

Но когда я впервые увидела страшную Гойренн, тогда я тоже не сразу поняла, какое сокровище попало к нам в руки.

2. Гюйдо

Маленькая глупая Мальва с большим саквояжем в руках сошла с корабля в Шейнаре, то и дело оглядываясь. Ей было девятнадцать, она недавно закончила колледж-интернат и теперь считала себя очень опытной, смелой и умной.

Сейчас, спустя пятнадцать лет, я понимаю, насколько безрассудной была сама мысль плыть в чужую страну без денег и знакомств за женихом, которого отправили служить в посольстве Ранолевса в Ильхонне на пять лет. Лучше б я сидела дома, учила детишек иностранным языкам и вышивала себе приданое. Заодно бы накопила немного денег, это несложно, если живешь в интернате и питаешься там же. Тратить совсем не на что. А там, глядишь, и Ивген вернулся бы. А что уж было у него в Ильхонне, осталось бы за морем.

Впрочем, это я сейчас могу так хладнокровно рассуждать, а тогда я была юной и прекраснодушной девицей, уверенной, что невеста должна следовать за женихом в любые дали. Стоит признать, что Ивген старательно поддерживал во мне эту мысль, в письмах уверяя, что он отчаянно страдает и без меня, без своего цветочка, просто не сможет быть счастлив ни единого мгновения. К тому же он очень точно описывал своё местоположение, и найти его действительно оказалось совсем нетрудно.

Я думаю, он и в самом деле меня любил и даже собирался жениться по возвращении.

Я же в то время совсем свихнулась от разлуки и одиночества. Это можно понять: я была сиротой, родители умерли от холеры, когда мне было шесть, я жила в интернате, где старательно училась и проявляла интерес и талант к иностранным языкам. Особенно хорошо мне давался ильхоннский. Именно благодаря своему эссе на этом языке я и познакомилась с Ивгеном. Нас обоих награждали за победу в конкурсе. Он писал стихи, я прозу. Мне было семнадцать, ему двадцать два. Никогда ещё в моей жизни я не видела так близко молодого мужчину, никогда не разговаривала с ним. Наша первая встреча закончилась сокрушительной ссорой, разумеется, на ильхоннском. Потом же он прислал мне букет цветов в качестве извинений и пригласил на прогулку...

Славное было время.

Неудивительно, что я очень быстро влюбилась в него по уши. Блестящий выпускник военного училища, красавец офицер, сирота, как и я — казалось, мы просто созданы друг для друга. А потом его отправили на пять лет в Ильхонн, а я спустя полгода рванула вслед за ним.

Совершенно не представляя, что я буду делать в чужой стране с неизвестными обычаями, я надеялась, что отличного знания языка мне будет достаточно для того, чтобы найти какую-нибудь простую работу, вроде служанки или, может быть, портнихи (я неплохо шила, как и любая выпускница интерната). Но в душе я, конечно, мечтала работать с детьми. Все преподаватели мне говорили, что у меня талант находить общий язык даже с самыми сложными и замкнутыми ученицами.

Итак, я сошла на пристань Ильхонна, восторженно крутя головой, не замечая ни грязи, ни нищих, ни шустро снующих малолетних оборванцев разного цвета кожи и разреза глаз. Все здесь было для меня в новинку. Какие дома! Из цветного камня, в два или этажа, с причудливо изогнутыми крышами, украшенными петухами и драконами, вдоль побережья стоящие вплотную друг к другу. Наверное, в шторм в их окна бьется соленая морская вода! Хотелось бы мне жить в одном из них! В голубом... или даже в красном, пожалуй!

В Ранолевсе дома были из серого камня, тоже высокие, с покатыми крышами (чтобы снег зимой на них не держался) и с маленькими окнами, а то и вообще без них — так топить было проще, да и налог на окна никто платить не хотел. Здесь, видимо, о таком налоге и не слыхивали! И правильно, на островах гораздо теплее, чем у меня на родине, зимой тут и снег не всегда выпадает.

Я перехватила поудобнее свой саквояж, тщательно проговорила про себя путь в посольство Ранолевса и смело отправилась в путь. Одна, без проводника, решительно думая сэкономить на транспортных расходах. Ивген писал, что посольство находится всего в четверти часа быстрого шага от порта, зачем было тратить деньги, которых у меня совсем было немного, на рикшу или, что еще дороже, на конный экипаж. Это для богатых. На мне были дорожные прочные ботинки, толстая юбка и теплый, подбитый шерстью камзол, в конце концов, я уплывала из едва только проклюнувшейся весны, на в Ильхонне было уже практически лето. Пот струился по моей спине, лоб и волосы под шляпкой взмокли, но я с усердием молодой лошадки, уже не разглядывая ничего вокруг, стремилась к первому моему ориентиру — портовому скверу. Ивген уверял меня, что это совершенно очаровательное место, где можно посидеть на лавочке, наслаждаясь буйным цветением местной флоры и мелодично журчащими струями фонтана. Именно там я и намеревалась снять камзол, повесить его на стиб локтя и дальше двинуться налегке.

Небольшая круглая площадь, действительно, была прекрасна. Мраморный фонтан напевал нехитрые мелодии, повсюду буйным цветом цвели тюльпаны, гиацинты и какие-то еще незнакомые мне цветы, даже кусты вокруг одуряюще благоухали. Я поставила саквояж на лавочку, сняла, наконец-то, камзол и... с криками мимо меня пронеслась ватага босоногих ребятишек без головных уборов. Я шарахнулась в сторону, больно ушиблась бедром о лавку и тихо выругалась на ранолевском. Какая дикость! Куда смотрят городовые! Они не должны позволять оборванцам сшибать с ног честных леди! Решительно потянувшись за саквояжем... и с ужасом обнаружила его отсутствие. Сперва я подумала, что он упал под лавку или улетел в кусты, задетый небрежной рукой, но нет. Его украли. Впору было разрыдаться в отчаянии.

Но я ведь не для того проделала такой длинный путь, чтобы реветь и паниковать, тем более, деньги у меня были спрятаны под рубашкой, а в саквояже были лишь книги, письма и смена одежды. Все равно обидно, мне теперь не во что даже переодеться.

И все же я разревелась, слёзы сами хлынули из глаз. Подхватив камзол и крепко сжав его в руках (чтобы и последнее не потерять), я присела на мраморный бортик фонтана и намочила кончики пальцев холодной водой, намереваясь охладить пылающие щеки. Ой! В ответ на мое движение в воде зашевелились самые настоящие золотые рыбки величиной с ладонь! Видимо, им показалось, что в чашу фонтана упали крошки хлеба или какое-то другое лакомство. Заворожённая чудным зрелищем, я снова тронула воду. Слёзы как-то сами собой иссякли, губы невольно искривились в улыбке.

Ну и дура ты, Мальва Дархон! Тебя только что обокрали, а ты пялишься на глупых рыбок. Ещё неизвестно, у кого из вас больше мозгов!

— Эй, лея, лея! — раздался громовой голос за спиной. — Нет кормить рыб! Не трогать!

Отчего-то голос кричал по-ранолевски.

Я быстро оглянулась и невероятно обрадовалась, увидев городского. Ну, или кто тут был ответственный за соблюдение порядка на улице? Мужчина в форменном чёрном костюме (широкие штаны и куртка, ярко-оранжевый пояс, черная лента на лбу) был чистокровный ильхоннец: смуглый, с раскосыми глазами и круглым лицом. Я подскочила и затараторила на ильхонском:

— Достопочтенный лей, как хорошо, что вы появились, меня только что ограбили! Банда малолетних разбойников украла мой саквояж! Они убежали вон туда!

Если бы рыбки из фонтана заговорили человеческим голосом, мужчина, наверное, был бы удивлён меньше. Он отскочил в сторону, совершенно невежливо уставился мне в лицо, разглядывая так внимательно, словно ожидал найти знакомые черты. Тщетно! Даже при самом большом старании невозможно принять меня за ильхонку: кудрявые рыжие волосы, веснушки и зелёные глаза выдают во мне чужестранку. Ну и фигура тоже, я несколько крупнее и округлее местных жительниц.

— Лея разговаривает на ильхонском? — осторожно уточнил городской, вероятно, надеясь, что ему померещилось. — Лея попала в беду?

— Да, да! — нетерпеливо отвечала я. — Меня обокрали! Я только сегодня приплыла в Ильхонн и уже столкнулась с форменным безобразием!

Разумеется, я сказала как-то не так, но очень похоже. И именно тогда я услышала то самое слово, которое прилипло ко мне навечно: гюйдо. Круглоглазая. Нет, это не только про глаза, а ещё про то, что чужестранцы все как один глупы, невежественны и склонны вляпываться в неприятности.

Сейчас я с тем человеком согласна. Тогда я была настоящей гюйдо.

3. Странные дети

Дивный Сад отличается от ильхонских школ не только тем, что родители отдают сюда дочерей навсегда. За ними никто не приедет через несколько лет, если, конечно, они не станут очень богатыми и известными. Родители заплатили деньги. Теперь их странные дочери — практически моя собственность.

Впрочем, такое практикуется в Ильхонне повсеместно, тут даже рабство не запрещено. Конечно, нет никаких рынков рабов и прочих ужасов, что были когда-то давно в Ранолевсе, но родители вполне могли продать своего ребёнка в слуги или даже в бордель, и это было совершенно законно. К счастью, меня это никаким образом не касалось. У меня было другое: я подписывала особый договор и как бы удочеряла всех этих девочек, ну, или становилась их опекуном. Я брала на себя обязательства их кормить, одевать и обучать — до самого совершеннолетия, которое здесь наступало для девушек в двадцать. Я могла потом их выдать замуж, оставить при школе или выгнать на улицу — но не раньше их двадцатилетия. Такие порядки царили во многих школах.

Но только у меня было строгое расписание, дисциплина и даже форма для воспитанниц. Я уже знаю, что ильхонцы очень уважают и ценят строгость и предсказуемость, но к детям относятся зачастую слишком безразлично. Не просит есть, не болен — ну и ладно. Или наоборот, обожают до беспамятства, позволяя своему чаду любой каприз. И зачастую — все это одновременно.

Я долго не могла понять, почему так происходит, но потом догадалась. Иль-

хонцы очень трудолюбивы, они совершенно не сидят без дела. Матушка Ши, к примеру, каждую свободную от занятий минуту или копается в земле, или шьёт, или что-то моет-протирает-чистит. У родителей часто просто не хватает времени на своих детей. К тому же ильхонки очень плодовиты, рожают легко и часто. Обычно в семьях пять, шесть, а то и более детей. Чтобы их прокормить, работать нужно много. А если кто-то умрет, всегда можно родить нового.

В Ранолевсе в семьях чаще всего два или три ребёнка, не больше. Но у нас и место другое, не такое... пожалуй, благословенное.

Здесь же, несмотря на социальные проблемы, просто рай на земле. Все, что сажается в землю — растёт, цветёт и даёт урожай. Много солнца, обильные дожди, плодородная земля, отсутствие вредных гусениц и всякой пакости вроде кротов и землероек делает садоводство весьма успешным и прибыльным делом. А ещё тут совершенно нет мошкары и гнуса, что меня очень радует.

Несколько веков назад Ильхонские острова были обителью фэйри. Если в холодных и густых лесах Ниххона жили, в основном, екаи, злобные, жестокие и кровожадные, то в Ильхонне владычествовали куда более добродушные существа. Не сказать, что им было дело до людей, они всегда существовали сами по себе, но и откровенного вреда они никому не причиняли. А земля от их присутствия просто расцветала.

Разумеется, их тут звали вовсе не фэйри, а каким-то очень сложнопроизносимым словом. Даже я, прекрасно владеющая ильхонским, могу с трудом и заминками прочесть его по бумажке. Мне проще звать их на ранолевский манер — фэйри. Тем более, что в Ранолевсе фэйри — лишь сказка. А тут они реально существуют. У меня было немало возможностей в этом убедиться лично.

И, разумеется, кровь фэйри была во многих ильхонских детях. Чаще всего это было даже на пользу, даровало таланты и удивительную красоту, но бывали и сложности. Сложности были теперь моей работой.

Новенькая девочка... как ее там... Лейзи, да, была вовсе не проблемной. И даже не уродиной. Обычная совершенно ильхонка: невысокая, хрупкая, черноволосая, смуглая и с узкими глазами. Гармоничные черты лица, высокий упрямый лоб, нежный рисунок рта. Пожалуй, если бы не ее хромота, она выросла бы красавицей, но в Ильхонне слишком много идеальных людей с кровью фэйри, чтобы они относились снисходительно к чужим недостаткам. Нет, людей горбатых, косых, кривых (такие тоже были), да даже со сломанным носом или без зубов просто прятали с глаз. В дальние комнаты, в закрытые сады, в свинарники и конюшни.

Помню, каким для меня было шоком осознать, что в Ильхонне все вокруг — прекрасны.

Даже тот кинь (которого я ошибочно называла городовым, прибавляя к слову «город» личностный суффикс), был прекрасно сложен и на лицо вполне приятен. Жаль только, что характер у него был гораздо хуже внешности.

Вот если бы в Ранолевсе городской обнаружил плачущую на площади иностранку, вполне молодую и привлекательную, что бы он сделал? Грудь колесом, усы залихватски подкручены, иностранка утешена, мальчишки экстренно найдены (плох тот городской, который не знает, кто безобразит на вверенной ему территории, к тому же кому и в самом деле нужно мое белье? Ладно

бы новое и дорогое, так ведь уже штопанное), девушка рукоплещет, театр ставит про умного городского пьесу, зрители сморкаются в платки, свадьба, дети и внуки...

Но ильхонский кинь меня просто высмеял, обозвал глупой гюйдо и практически силой (я порывалась опросить каждого мальчишку, которого встречала) отвёл в посольство Ранолевса, где потребовал разыскать Ивгена. Да, мне пришлось рассказать, зачем я вообще приехала в Ильхонн.

К чести моего жениха, он даже особо не ругался. Просто закатил глаза, вручил мне белоснежный платок — я снова разревелась, измученная, напуганная и уставшая — усадил меня в кресло и пообещал все решить. И решил. Где-то через час совместными усилиями посольства мне нашли жилье — каморку под самой крышей без кухни и уборной, но зато в хорошем районе. Ивген накормил меня острым жареным рисом и уложил спать, выдав пару своих рубаш, пообещав все проблемы решить утром.

Но наутро я проснулась рано, умылась в тазу, с брезгливостью поискала, куда вылить содержимое ночной вазы (в Ранолевсе уже даже в бедных кварталах есть нормальные уборные с унитазом), не нашла. Оставила в комнате. В самом деле, не в окно же выливать? К счастью, потом мне показали, где находится задвижка, за которой скрывается канализационная труба, и я не успела окончательно разочароваться в благословенном Ильхонне. Все же мне здесь не грозило оказаться по душам из помоев, проходя слишком близко к чужим окнам.

В тот воистину чудесный день я умылась, надела ту самую тёплую двойную юбку, тяжелые зимние ботинки и шляпку (камзол оставила дома), пересчитала имеющуюся наличность, часть которой я предусмотрительно поменяла на ильхонские рюпы ещё в банке Ранолевса, и смело вышла навстречу приключениям. Сама. Одна.

Тогда я ещё не знала, что женщине, тем более, иностранке, лучше в одиночестве не гулять, это считается просто неприличным. От домогательств и скабрезных намеков меня спасла, кажется, только шляпка и ярко-рыжие волосы, которые были здесь такой диковинкой, что люди только глазели, но подойти боялись, принимая меня за фэйри. На углу у чумазого (и весьма хорошенького) мальчишки я купила за медный рюп газету с объявлениями, за два рюпа — кулёк мелкой жареной рыбёшки и полусырой хлебец у уличного торговца едой и, гордясь собой, вернулась в свою каморку, где с аппетитом позавтракала и принялась искать работу.

Первое же объявление гласило: «В частную школу леи Ши требуется помощница учителя. Проживание, питание за счёт школы, оплата договорная. Обращаться...» Как раз то, что мне нужно. Какая удача!

Не счесть, сколько раз я благодарила судьбу за то короткое объявление и за своё упрямство, позволившее мне отстоять право на самостоятельный труд! Появившийся ближе к полудню Ивген был категорически против того, чтобы я где-то работала, тем более, как он увидел по адресу, в дальнем пригороде. Он на полном серьезе собирался меня содержать! Кстати, вещи мои он принёс с собой, все, кроме книг, саквояжа и летних туфель. Видимо, их уже успели сбыть, а на одежду покупателей не нашлось, потому что я несколько фигуристее местных дам.

Странно, что Ивген ещё не понял, какая я могу быть настырная — это после

того, как я бросила все в Ранолевсе и приехала в Ильхонн! В конце концов он сдался и отвёз меня в школу леи Ши, в весьма живописный домик с закрытым садом в хорошем спокойном районе. Да, от посольства очень далеко, но уж точно не три недели на корабле. Лея Ши оказалась крошечной пожилой ильхонкой. Вначале я ей не понравилась: рослая, толстая (по ее меркам, конечно), рыжая, но услышав мой отличный ильхонский и взглянув на рекомендательные письма (на них покупателя, к счастью, тоже не нашлось) она сменила гнев на милость и предложила попробовать. Меня приняли на работу на пару недель. Бесплатно, разумеется, за кров и еду. Я осмотрела предложенную комнату, обнаружила в доме приличную уборную и просторную кухню, прогулялась по великолепному саду и согласилась. Я была совершенно уверена, что справлюсь с работой, а лея Ши мне понравилась. Как ни странно, она понравилась и Ивгену, и он отправился на службу, пообещав привезти мои скудные вещи в ближайшее время.

С уродливой Гойренн я познакомилась в тот же день.

Строго говоря, она не была совсем уж ужасна. Просто ребёнку не повезло с чертами лица. Маленькие припухшие глазки, крупный нос, большой рот и упрямый подбородок делали ее похожей на грустную собачонку. Но проблема была даже не в этом. Как сказала лея Ши, девочка была неисправимой, просто ужасной лгуньей.

Помимо Гойренн, в школе жили ещё пять девочек: оборотница Майло, очень подвижная и крикливая малютка Ди, «пустышка» Вейко и близняшки Райраки и Айсай.

Матушка Ши принялась спрашивать, что я умею. При словах «арифметика» и «география» она поскущела, на предложение научить девочек эльзанскому и ранолевскому языку замахала крошечными ручками, и только слово «гимнастика» ей понравилось. Итак, решили, что я буду вести уроки гимнастики, читать девушкам указанные матушкой книги и следить за чистоплотностью воспитанниц, а сама лея Ши будет учить их каллиграфии, манерам и танцам.

Все обязанности по дому (стирка, уборка, готовка) выполняли сами воспитанницы, поэтому нужды в других людях здесь больше не было.

4. Дивный Сад

Сейчас все по-другому. В школе нашей тридцать воспитанниц (теперь — тридцать одна), живут они в комнатах по два-три человека, только моя дочь живет со мной. Подъем в шесть утра, после этого — утренняя гимнастика, умывание и прочие процедуры ухода за собой. Некоторые девочки протирают лицо льдом, чтобы выглядеть свежее и румянее, некоторые успевают сделать маски и даже иногда массаж. В семь утра завтрак, довольно скромный, но вкусный. Его всегда готовит матушка Ши. Иногда это хлеб с маслом и вареньем, иногда яйца, иногда тонкие пресные лепешки с разнообразной начинкой). Потом — общие занятия.

После обеда (который тоже готовит матушка Ши, или я, или кто-то из свободных учителей) у девушек занятия индивидуальные. Некоторые танцуют, некоторые рисуют, а кто-то готовит ужин или моет полы — в наказание за дурные поступки или просто по расписанию.

Учатся всякому: и арифметике, и географии, и иностранным языкам. Есть

даже свой учитель боевых искусств, сухонький ильхонец лет ста на вид. Но видели бы вы, как высоко он прыгает и как ловко бьет ногами по мешку с песком! Он занимается со всеми сразу — девушка в нынешнем мире должна уметь себя защищать, ведь замуж выйдет далеко не каждая. И отдельно тренирует трёх полу-оборотниц и моего приемного сына Тайхана. Тот — чистый оборотень. Единственный мальчик в нашем цветнике. Совсем скоро ему исполнится двадцать, и он покинет эту тихую обитель. Я жду этого момента с тоской и нетерпением. Крови мне этот волчонок попортил немало, причём во всех смыслах. В детстве он постоянно кусался. Зато сейчас это высокий и обаятельный юноша, всегда готовый помочь по хозяйству. Однако при всей своей улыбчивости, Тайхан очень скрытный, я до сих пор не знаю, какие у него планы на взрослую жизнь: или он будет искать своих настоящих родителей, или отправиться в путешествие, или вовсе подастся в императорскую стражу. В любом случае, он покинет Дивный Сад и перестанет будоражить воображение наших воспитанниц, большая часть которых в него, конечно, влюблены. Счастье ещё, что он чистокровный оборотень и пару выбирает раз в жизни. Мы же — его стая, а отношений внутри стаи оборотни не заводят. Наверное. Я на это надеюсь. С этим засранцем ни в чем нельзя быть уверенной. Впрочем, от ильхонок никто не требует телесной невинности, более того, она даже осуждается, ведь она привлекает многих фэйри. Единственное исключение — девушки, которые планируют карьеру кайто, то есть куртизанки. К счастью, такая в Дивном Саде только одна: моя дочь.

Ах, сколько слез я пролила, сколько проклятий прокричала в ночь, когда поняла, что моя любимая Мэйгут — демоница! Был момент, когда я хотела ее убить, утопить в колодце, придавить подушкой, но матушка Ши не позволила. Надавала мне по щекам, отобрала ребенка и вызвала мне лекаря, который долго заставлял меня пить горькие пилюли, от которых мне хотелось только спать...

Я ведь уже говорила, что девственницы крайне привлекательны для фэйри?

Ну конечно, я была девственна, я ведь родилась и выросла в Ранолевсе! Ивген не спешил переводить наши отношения на новый уровень, да я бы и не позволила до свадьбы, а жениться он не спешил. Да и я, честно говоря, не настаивала. Уж очень мне нравилась жизнь у матушки Ши. Мы с ней подружились быстро, она мне заменила родителей, которых я давно потеряла. Я устраивалась помощницей учителя, а вышло так, что сама стала почти что воспитанницей школы. Мне было девятнадцать, а девочкам, что там учились — шестнадцать-семнадцать лет. Мои ровесницы! Наверное, именно поэтому мы быстро нашли общий язык.

С оборотницей Майло было все понятно. Ей была уготована карьера в охране Императрицы. Очень быстрая, невероятно ловкая и сильная, Майло отлично владела всеми видами оружия, что использовались в Ильхонне. Для неё одной нанят был учитель, бывший императорский воин. Я убедила матушку Ши, что для службы при императорском дворце знание иностранных языков просто необходимо, ведь можно же услышать много интересного от иностранных гостей! И мне позволили учить Майло ранолевскому и эльзанскому, а вскоре к занятиям присоединились и все остальные девушки. Не то я и вправду — хороший учитель, не то кровь фэйри даёт не только красоту и таланты,

но спустя три года все ученицы худо-бедно разговаривали на трёх языках, а уродливая Гойренн и вовсе трещала вовсю, как сорока. Она вообще без конца болтала, за что ее лея Ши остро недолюбливала.

А ведь именно Гойренн потом подарила нам большой новый дом с огромным волшебным садом вокруг!

В нашем интернате учителя всегда говорили, что каждому человеку боги отмеряли немало талантов, и нужно просто их найти. Поглядите, что больше всего любит ребёнок, и придумайте, как это обратить в нужное русло.

Я начала приглядываться к Гойренн с первого же дня и быстро поняла, почему ее называют вруньей. Каких только сказок она не выдумывала! То ее пряжу спутали крошечные цветочные феи, то всю ночь екаи выли у неё над ухом, мешая спать, то крысы, превратившись в маленьких человечков, испачкали обратно вымытую посуду, а потом насыпали золы в рис! Помню, как меня поразило то, как складно она врет: словно все это было на самом деле! Я даже оставила в своей комнате пряжу, ожидая увидеть ночью тех самых цветочных фей!

И я рискнула. Убедила лею Ши нанять специально для Гойренн учителя, который бы научил ее петь и читать стихи, который помог бы ей овладеть своим голосом так, чтобы завораживать слушателя. Правда, пришлось пообещать работать несколько месяцев бесплатно, но клянусь, оно того стоило!

Спустя год мы собрали в нашем маленьком домике почетных гостей на особую чайную церемонию. В одном из темных углов комнаты сидела закутанная в полупрозрачные покрывала молодая девушка. Лица ее не было видно, только блестящие чёрные глаза (Гойренн отчаянно волновалась и едва не плакала от страха). Гостям наши девочки налили чая... а потом они услышали дивную сказку про девочку Янголь и ее ручного лиса. Мы нарочно взяли всем известную легенду, чтобы никого не смущать, но рассказала ее Гойренн складно и совершенно по-новому. Гости были в восторге и просили ещё. И тогда Гойренн рискнула и ответила, что знает историй столько же, сколько звёзд на небе, сколько песчинок на морском побережье, сколько бабочек в дивном лесу... Ей не поверили, потребовали доказательств, просили рассказать сказку о цветах, о фэйри, о русалках и о крылатых лошадях... И она рассказывала до самого утра, пока окончательно не охрипла. Разумеется, все сказки она выдумывала на ходу.

Через неделю Гойренн пригласили в гости в один из почтенных домов. Матушка Ши назвала очень высокую цену. Мы с ней долго ругались, Гойренн даже плакала, уверенная, что ее талант столько не стоит... И верно, ее не позвали больше в тот дом, но вскорости пригласили в более богатый, и заплатили столько, сколько матушка желала. И с того дня началась у нас в школе совсем другая жизнь.

Во-первых, мне было назначено, наконец-то, жалование. Во-вторых, мы смогли позволить себе приходящую служанку. В-третьих, матушка спросила моего совета, как лучше учить «пустышку» Вейко, которая совершенно не имела ни характера, ни своего мнения, со всем покорно соглашалась и никогда не спорила. Лейя Ши растила из неё добрую жену, но вдруг я придумала бы что-то интересное? Я тогда блестяще справилась и с этой задачей.

Гойренн стала известна по всему Ильхонну как великолепная сказительница. Ее звали выступать даже в императорский дворец. Очень быстро она

вышла замуж, и, поговаривали, очень удачно. Муж ее был слаб зрением, но красив лицом, и детки пошли в него. Сейчас, спустя много лет, у неё свой чайный дом в столице, а один вечер ее сказок стоит немислимых денег.

Именно она, помня, кому обязана своим взлетом, купила старый большой дом возле самого Дивного леса и участок земли, обнесла его высоким забором и подарила мне. Не матушке Ши, а мне, гюйдо. Впрочем, после того успешного выпуска матушка Ши передала школу в мои руки, сама оставшись лишь помощницей и наставницей.

Дивный лес издревле принадлежал чистокровным фэйри. Когда-то их было там очень много, но теперь они почти все исчезли. Вымерли, ушли, смешались с людьми — кто знает, что произошло за двести лет...

Моей огромной ошибкой было думать, что высокий каменный забор оградит меня от опасности. А ещё я никогда не видела чистокровных фэйри, только их потомков, и потому нисколько не была осторожна.

А сам участок леса, что был теперь в моей собственности, настолько меня восхитил, что я целыми днями гуляла там, мечтая о том, что найму садовников, и через пару лет тут будет дивный сад. Школу нашу так мы и назвали с матушкой Ши — Дивный Сад.

Фэйри бывают разные. Некоторые вполне дружелюбны и даже не в меру общительны, как, например, русалки. На ильхонском их называют мэйренни-айдро, это очень длинно и неудобно, поэтому невольную обитательницу моего сада я называю русалкой или коротким «Рене».

Обнаружила я ее (или она меня) во время одной из первых прогулок. Испугалась я ее до икоты, убежала, потом долго искала хоть что-то про подобную нечисть в книгах. В Ранолевсе сказывали, что русалки — это неупокоенные духи утопленников, что они жрут людей и домашний скот. В Ниххоне русалок не было, были похожие на них ёкаи, обитающие в лесных озёрах и утаскивающие на дно заплутавших путников. Словом, от обитательницы маленького, но очень красивого озера я не ждала ничего хорошего. Очень выручил меня в тот день старый Пако, наш учитель боя, некогда — воин, повидавший, кажется, все на свете. Мы с матушкой забрали его с собой в новую школу, а он и рад был: жить в теплом большом доме в окружении юных красавиц — разве можно представить себе более отрадную старость? Ах, как он смеялся над моими страхами!

Оказалось, что в Ильхонне русалки были одним из самых добрых и полезных фэйри. Они умели исцелять, плели из жемчуга волшебные ожерелья, пели прекрасные песни. Единственное, что могло напугать человека — они были хищницами и страстно любили мясо, лучше всего, жареное. Меня это нисколько не смутило, я и сама мясо весьма уважала, поэтому вооружившись корзиной с продуктами, я вновь отправилась к тому самому озеру.

Так вот, легенды ввали. Русалки, помимо мяса, очень любят хлеб, и рис, и сыр. Сыр просто обожают!

— Ладно, так и быть, оставайся в моих владениях, — милостиво позволила мне осоловевшая от обильной пищи Рене. — Только раз в неделю обязательно приноси мне вот этого сыра. И мяса. И риса. И приходи поболтать, скучно тут стало, гости у меня бывают очень редко. А ещё, если кто-то сильно заболит, приводи, я его съем, чтобы он не страдал. Ой, да пошутила я, ну что ты пугаешься! Помогу, если сумею. Но мясо и сыр приноси обязательно.

5. Гости

В новую школу каждую неделю привозили новых девочек. Кому-то было уже тринадцать, кому-то пять-шесть. После того, как имя матушки Ши (а заодно и мое) последний выпуск прославил на весь Ильхонн, нам не приходилось давать какие-то объявления в газетах или напоминать о себе хозяйкам чайных домов. Желающих заплатить за будущее своих дочерей было хоть отбавляй. Теперь уже мы выбирали себе учениц. Без сомнений брали всех оборотней, и волков, и лис, и даже тигриц... ну ладно, только одну тигрицу, они — огромная редкость. С прочими были осторожны, памятуя о репутации. Матушка выбирала с явной примесью крови фэйри, я же жалела всех. К счастью (или к сожалению, кто знает), малообеспеченные люди не могли позволить себе оплатить обучение, лея Ши никогда не замечена была в благотворительности и брала только тех, за кого вносили плату, всю разом или за ближайший год. Какое-то время нам пытались подкидывать младенцев, но матушка безжалостно относилась к ним, приговаривая, что школа — всего лишь работа, и негоже превращать престижное заведение в сиротский дом для нищеты. Я была ей благодарна, что она делала это сама, не советуясь со мной. Но все же я ухитрилась забрать себе бесплатно двух девочек, одну — потому что увидела в ней особую грацию, присущую лишь танцовщицам, а вторую просто пожалела. На ее руках и ногах были знакомые мне по интернату синяки, которые могла оставить лишь палка. Матушке я потом клялась, что эта девочка будет у нас не ученицей, а служанкой, все лучше, чем однажды родители забьют ее до смерти. Разумеется, девочка потом училась вместе со всеми, хотя и жила на кухне, и после этого меня просто не пускали к приезжающим с дочерьми гостям.

А потом я нашла у ворот щенка с перебитыми задними лапами. Видимо, кто-то вытаращил его из капкана, а потом бросил у нашего забора. Зачем? Надеялся, что мы его добьем? Или будем кормить заведомо бесполезного зверя?

Я была молода и жалостлива, я уложила несчастное животное на подушку и понесла его русалке, с которой уже подружилась. Не сможет ли она исцелить щенка?

— Ты безумна? — первым делом спросила меня Рене. — Надышалась пыльцы безвременника? Накурилась опиума? Зачем ты принесла мне щенка дикого волка-оборотня?

— Чтобы ты его сожрала, — мрачно ответила я, ощущая себя полной дурой.

Стало понятно, почему щенок показался мне странным, но я решила, что это какая-то незнакомая порода. Дикий оборотень! Ну конечно, только они рожают детей в зверином обличье! А человеком впервые оборачивается щенок года в два-три. Наверное, это мудро. Волчата куда более приспособлены к жизни, чем новорождённые младенцы.

— Да не буду я его жрать! — возмутилась Рене. — Я не ем сырое мясо, к тому же пахнущее человечесиной! К тому же я сыта... Ко мне недавно приезжал брат с друзьями. Ладно, я его вылечу... но ты должна будешь отнести его в лес. Диким оборотням не место в человеческом доме.

Я тактично промолчала, вспоминая известную историю императрицы Янголь и ее дикого лиса. Впрочем, мне и в самом деле не нужен в школе ещё один рот. И, совершенно не обратив внимания на слова русалки про брата и

друзей, я с легким сердцем пошла домой. Рене часто мне рассказывала про своих родичей. Я, признаться, думала, что она сочиняет. Ни разу в саду не появлялся никто чужой, даже следов никаких не было ни на дорожках, ни на полянках.

А что было дальше, я помню смутно.

Сначала мимо меня пронеслось стадо оленей с великолепными рогами. Я едва успела отскочить в сторону, изумляясь: как эти прекрасные звери проникли за высокий забор? Неужели перепрыгнули? А потом один из оленей вернулся назад. На нем верхом сидел мужчина. Я совсем его не помню, только удивительной красоты чёрные глаза иногда снятся мне по ночам. Он спешился и приблизился ко мне. Я оцепенела.

— Красивая, — сказал он. — Вкусная. Пойдёшь со мной?

И протянул мне руку.

Я пошла, очарованная, околдованная, заморожённая. Куда? Не знаю. Зачем? Не ведаю.

Очнулась я уже ночью, голая и в лесу. Судя по обрывкам воспоминаний и крови на бёдрах, было совершенно понятно, чем мы занимались с... с этим существом все это время. Как потом оказалось, день, ночь и ещё день. И я совершенно точно знала, что он не брал меня силой. Я кричала, и плакала, и стонала отнюдь не от боли.

Меня искали и нашли весьма далеко от Дивного Сада. Матушка Ши заплатила немалые деньги, чтобы об этом инциденте никто не узнал. А старик Пако, качая головой, сказал тогда, что брат у русалки — Гарманион, дух страсти и телесной любви. Редко когда он обращает внимание на смертных, но если уж приметил кого — уйти от него невозможно. Его магии не может противостоять ни одна смертная.

В истерике я побежала к русалке и накинулась на неё с обвинениями. Она долго слушала меня с недовольным лицом, а потом плеснула в меня холодной водой и приказала замолчать. Тут-то я и узнала, что у неё тоже есть магия. Ослушаться я не смогла.

— Успокойся и прекрати реветь, ничего страшного не случилось, — сурово сказала Рене. — Подумаешь, пара дней в объятиях моего братца! Тебе крупно повезло, я считаю. Во-первых, ты больше никогда не сможешь полюбить простого смертного, это хорошо. Всегда с трезвой головой. Во-вторых, ни один из наших тебя больше не тронет. Никогда. Гарманиону я, конечно, передам, чтобы он никого тут больше не трогал... но я его понимаю. Ты потрясающе красивая. Эти волосы, веснушки, золотые ресницы... этот запах невинности... он не устоял. Впрочем, даже и не пытался. Для него это все естественно. Он так получает энергию. Считай, что ты для него — лишь пища.

Я протестующе замычала, но «плюсы» еще не закончились.

— А если ты от него понесла, то и вовсе великолепно! Родишь дивное дитя, а сама будешь жить долго-долго и стареть не будешь. Разве это не великолепно? Отчего ты снова плачешь, глупая, радуйся! Люди мечтают о вечной молодости, а к тебе она пришла сама!

Я же рыдала и не могла успокоиться. Насилие всегда останется насилием, даже если оно принесло удовольствие!

Рене оказалась права во всем. С того дня я словно разучилась любить, стала

холодной и бесчувственной. И еще я понесла. И мне пришлось объясняться с Ивгеном. В восторг он, разумеется, не пришёл.

Как и я, он всем сердцем полюбил Ильхонн и все вообще говорил о том, что хотел бы здесь остаться надолго. Тем более, его невеста теперь вполне обеспеченная женщина и сможет содержать обоих. Шутил, конечно, но про свадьбу заговаривал все чаще. Срок его службы подходил к концу, он изо всех сил искал новую работу и вот, примчался ко мне с охапкой цветов (в моем саду они красивее) и добрым известием: ему предложили сразу две должности. Одна — в дипломатическом крыле Императорского дворца переводчиком, другая — в местном посольстве офицером. Я думаю, во многом ему помогла привлекательная внешность. Будь он коротконог, или лыс, или сутул, никогда не оставили б его в Ильхонне. Но теперь он метался по комнате, заламывая руки и хохоча, и рассказывал, что ради меня он откажется от службы Императору, ведь у меня школа, не могу же я ее бросить и уехать в столицу?

А я смотрела на этого статного кудрявого молодого человека и совершенно ничего не ощущала, только горечь и разочарование. Я приехала в Ильхонн более четырёх лет назад. У него было так много времени на то, чтобы сделать меня женой, и тогда бы меня не тронул этот проклятый Гарманион, и мне не пришлось бы выбирать слова и мучиться от того, что я внезапно разлюбила своего жениха. Наверное, я разозлилась тогда и оборвала его пламенную речь одной сухой фразой:

— Я беременна.

Он словно налетел на невидимую стену. Замер нелепо с воздетыми руками и приоткрытым ртом, удивленно и даже обиженно на меня посмотрел. Мне было его нисколько не жалко. Мне было жаль только себя.

— То есть как? От кого?

Сухо и коротко я ему рассказала обо всем. Клянусь, если бы он мне поверил, если бы поддержал, я бы стала ему самой верной и ласковой женой! Пусть я его не любила, но заботиться о своём муже могла и хотела. Но я видела по его лицу: он не верил. Он, верно, вообразил меня в объятиях другого, подумал, что я вру, чтобы оправдать себя.

Ивген сказал, что мы не можем больше быть вместе. Что на хороших, честных женщин никакие демоны не нападают. Наверное, я сама виновата во всем. Что ж, вероятно, так оно и было. Никто не привёз меня в Ильхонн силой. Никто не заставлял устраиваться на работу, а потом бродить в одиночестве по Дивному Саду. Ну и в конце концов, я всегда могла поставить Ивгену условие, что хочу замуж немедленно, прямо через неделю. Не думаю, что он особо сопротивлялся бы. Но мне нравилась моя работа, нравились воспитанницы, нравилась свобода и независимость, а теперь, похоже, я останусь свободной навсегда.

Как там сказала Рене? Никогда больше мне не полюбить обычного человека? Значит, не быть мне ничьей женой. Ну и ладно. Теперь мне это и не нужно.

6. Новые знакомства

С того дня прошло уже много лет. Шестнадцать, если быть точной. Стало быть, мне уже сорок, а моему единственному ребёнку — пятнадцать лет. Рене не обманула: выгляжу я очень молодо, лет на двадцать пять, а то и меньше.

Время не властно надо мною.

Впрочем, ильхонцы тоже поголовно долгожители. Матушке Ши уже за семьдесят, а она порхает по саду аки мотылёк и всегда занята делом. Старик Пако уверяет, что ему совершенно точно миновало сто лет, но он бодр, весел и ещё может надрать зад Тайхану.

Да, волчонка пришлось оставить в школе. Во-первых, он был слишком мал, чтобы выжить самостоятельно, а взрослых диких оборотней вокруг как-то не наблюдалось, во-вторых, в то время меня охватило какое-то сумрачное оцепенение. А маленький щенок умудрялся меня из него раз за разом вытаскивать, то дергая зубами за юбку, то опрокидывая ведро с водой, то роя нору в грядке с моими любимыми львиными лилиями. Невольно мне приходилось вскакивать со скамейки, где я могла молча сидеть часами, не шевелясь даже, и бежать устранять последствия его хулиганства. Матушка Ши за этим понаблюдала и приняла судьбоносное решение. Тайхан остался с нами. Сейчас и не скажешь, что он был диким — единственное его отличие от наших учениц в факте его рождения в зверином облики. Но об этом не знает никто, его с самого начала поместили в закрытую часть дома, куда не было прохода для девочек.

Сегодня Таю доверили командовать утренней гимнастикой. И оборотень, и девочки очень любят эти моменты, а старый Пако все чаще говорит, что ему пора на покой. Я с любопытством наблюдаю из окна своего кабинета, как молодой человек выстраивает в ряд воспитанниц, а потом разбивает их по парам. Сверху они все кажутся одинаковыми: в чёрных широких штанах и белых рубашках, босые, с туго заплетенными косами. Но я могу большую часть из них различить по движениям и жестам.

Чуть позже девочки переоденутся в учебную форму: те, кому нет ещё тринадцати — в рубашку и длинную юбку, старшие — в традиционный ильхонский наряд: широкие штаны и длинный халат из чёрного шелка. Отличается форма лишь поясами: у отличниц в учебе пояса голубые, у остальных — чёрные. У наказанных учениц бывает и красный пояс, но уже давно, насколько я помню, никаких происшествий не случилось. Красного пояса нет ни у кого.

На самом деле он редко используется, ильхонки на редкость послушны, даже покладисты. Разве что оборотницы могут сцепиться, ну так это задача учителя — следить, чтобы они всегда были в разных учебных группах.

Хромая Лейзи сегодня вышла на гимнастику вместе со всеми. Я замечаю, что Тайхан оказывает ей особое внимание, тщательно разъясняя упражнения, часто ей помогая. Скажу ему, чтобы так больше не делал. Несмотря на увечность, никто и никогда не будет ее жалеть. Не стоит и привыкать к снисхождению. Ей надо стать сильной, чтобы выжить в мире людей, которые больше всего на свете ценят физическое совершенство. Скорее всего, Лейзи ждёт участь чёрной прислуги, всегда скрываемой от глаз хозяев и гостей. Может быть, в кухне, а может — если очень повезёт — в саду или рабочей комнате.

Я качнула головой, делая мысленно пометку, что нужно уже искать нового учителя боевых искусств. Дело непростое. Он должен уметь многое, быть честным и добрым к людям, а ещё его возраст или внешность должны ограждать от посягательств со стороны девушек. Никакие романы или влюбленности мне здесь не нужны, хватит и Тайхана.

Отойдя от окна, я принялась перебирать записки, оставленные мне учите-

лями. «Заказать стальных перьев». «Кончатся кисти для рисования». «Нужен отпуск, давно не было писем от матери, хочу проведать» — это от леи Нориз. Так и знала, что брать в учителя молодую женщину — дурная идея. Старушки лучше. Стоит напомнить ей, что она не отработала и двух лет, отпуск ей не полагается. Впрочем, она может уволиться и ехать, куда вздумается. Остальные записки я отодвинула движением руки, вспомнив вдруг, что, наблюдая за утренней гимнастикой, даже не нашла глазами дочь. Нехорошо вышло.

Обычно я стараюсь не упускать ее из виду.

Мэйгут меня пугает. Она очень похожа на меня, буквально одно лицо, но... мы различны, как подсолнух и солнце. Я просто миловидна и ярка: волосы, глаза, светлая кожа. Веснушки, кстати, напрочь исчезли после рождения дочери, чему я необычайно рада.

А Мэй, она... ослепляет. Бьет наотмашь. Ярко-зелёные миндалевидные глаза, невероятной красоты лицо, волосы огненно-рыжие, но не такие, как у меня, вьющиеся мелким бесом, а красиво ниспадающие крупными кудрями. Она меня чуть ниже ростом и гораздо тоньше, изящнее. И брови с ресницами не рыжие, а темные, почти чёрные. Ей не нужна краска для лица, чтобы подчеркнуть свои достоинства. И при этом она сокрушающе прагматична и холодна с людьми. Все вокруг для неё — пешки в ее игре. Она никого не любит, ни к кому не привязана, даже я для неё — всего лишь женщина, которая ее родила, но не мать. Единственная, кто удостоивается ее милости, это матушка Ши. К ней Мэйгут испытывает какую-то особую нежность, с ней она разговаривает по душам и делится своими тайнами.

Я же никогда не могла понять, что в голове у дочери, да, признаться, и не хотела. Занятая своей школой, я совершила ту самую ошибку, за которую так часто ругала ильхонцев: я не находила времени на своего ребёнка. Ничего удивительного, что мое место в ее душе (если у этого отродья фэйри была душа, конечно) заняла бабушка Ши, которая охотно возилась с малюткой.

Несмотря ни на что, я люблю Мэй, но не думаю, что ей это важно. Мне порой хочется ее обнять, засыпать ее дорогими подарками, я вполне могу это себе позволить, даже просто — поговорить. Но не могу через себя перешагнуть, опасаясь, что мои порывы будут грубо отвергнуты.

Впрочем, у Мэйгут есть все, абсолютно все. В шкафу висят яркие, цветастые кимоно с великолепной вышивкой. Зонтики, веера, костяные гребни, заколки, пояса, дорогие притирания и краски для лица — всего этого у неё в избытке. Только она все равно ходит, как и все девочки, в чёрном ученическом костюме.

Я снова выглянула в окно, удостоверюсь, что гимнастика окончена и двор пуст. Ученицы отправились по своим комнатам: умываться и переодеваться к завтраку.

Я когда-то специально выбрала для кабинета хозяйки школы помещение на втором этаже. Окна в нем расположены так, чтобы видеть и внутренний двор, и весь сад, и даже немного леса. Не то, чтобы я стремилась держать все под контролем, просто отсюда открывался действительно очень красивый вид.

И сейчас этот вид портила чёрная непонятная клякса в закрытой части сада. Я никак не могла разглядеть, что это там валялось на дорожке. Какая-то чёрная тряпка? Наверное, ветром унесло костюм одной из старших учениц!

Надо убрать, пока не поднялся шум.

Быстро и даже с облегчением заперев кабинет, я спустилась вниз, вышла в сад, а потом через калитку прошла в ту его часть, куда не допускались ученицы. Только учителя и садовница. Взрослым тоже иногда нужно одиночество и покой.

Уже следуя по дорожке закрытого сада, я догадалась, что там не тряпки, а человек. Причём, судя по размеру, мужчина, а значит, чужак. Лежал он неподвижно, но это не значило, что в любой момент он не мог ожить и напасть на меня. Как он смог преодолеть зачарованную ограду? Фэйри? Ох, не хотелось бы мне встретиться вновь с кем-то из этого народа!

Я остановилась в нерешительности, раздумывая, не позвать ли мне на помощь Тайхана. Все же он мужчина и почти уже воин! Против чужака — защита. Не успела. Позади послышался шелест шелка, я обернулась и с удивлением увидела спешащую дочь. Конечно, у неё тоже был доступ в эту часть сада! Я разом успокоилась. Ни один мужчина, будь то фэйри или человек, не причинит ей вреда. Такой уж у неё дар. Я могу не любить его и бояться, но отрицать его пользу глупо.

— Мэй, я тебе рада. Помоги мне.

На миг дочь замерла и поглядела меня удивленно, а потом кивнула и вместе со мной подошла к чужаку.

Да, это был мужчина. Молодой. Красивый. Живой. Из груди у него торчал хвост арбалетного болта. Чужак лежал, поджав колени, свернувшись в клубок, как котёнок в коробке или дитя в чреве у матери. Мы в четыре руки перевернули его на спину. Точеное смуглое лицо было бледным от боли, губы окровавлены. Густые чёрные волосы коротко острижены, но не мастером, а словно их наспех кромсали ножом. Стало быть, воин, только они имели право носить длинные волосы. И воин, который не хочет, чтобы знали, что он воин.

— Он умирает, — торопливо прошептала Мэйгут. Я впервые в жизни услышала в ее голосе волнение. — Ну что ты стоишь, помогай!

А чем я могу помочь? Добить беднягу, чтобы не мучился? Я к проклятым фэйри даже пальцем боюсь прикоснуться!

А дочь тем временем ловко и быстро разорвала заскорузлую от крови чёрную куртку мужчины, обнажая гладкую мускулистую грудь и конец болта. Крови неожиданно оказалось не так уж и много.

— Древко не дало развиваться кровотечению, поэтому он ещё жив, — деловито заявила Мэй. Я смотрела на неё с изумлением: откуда она это знает? А дочь продолжала: — Ты держи его за плечи, а я выдерну стрелу. Нет, лучше ты, ты сильнее.

— Я боюсь, — честно призналась я. — К тому же пойдёт кровь, и он умрет.

— Он и так умрет, и очень быстро. Такой красивый мужчина... не хочу, чтобы он умирал.

Я внимательно поглядела в ее лицо. Она... улыбалась. И я поняла: Мэйгут положила на чужака глаз. И ещё поняла: мне это совершенно не нравится. Кто знает, что она сотворит с беднягой, попали он в ее руки? Сведёт с ума? Уничтожит как личность? Сделает из него марионетку? Очень даже запросто.

— погоди, нет. Так не выйдет, — озабоченно бормотала девушка, ощупывая грудь потенциальной жертвы. — Болт хитрый, наконецник раскрывающийся и с резьбой. Будем тянуть — разворотим ему грудную клетку.

— Все? Шансов нет? — с надеждой спросила я.

— Мы протолкнём болт дальше, в спину.

— И ломаем ему ребра?

— Возможно. Но это неплохой шанс. Но тебе тоже не хватит сил. Надо звать Тайхана.

— Тайхан уже тут, сестрёнка. Он всегда там, где неприятности.

Я была очень рада юноше, он появился как нельзя кстати. Впрочем, как и всегда! Самый первый мой помощник. Без него придётся тяжело.

— Ну-ка, что тут? Сломаны два ребра, пробито легкое. Не жилец, — сын опустился на колени рядом с телом и вопросительно поглядел на Мэй.

— Ты проталкиваешь стрелу, я останавливаю кровь. Мама держит его за плечи. На счёт три: раз, два...

Все получилось очень быстро. Я вцепилась в плечи чужака, Тай ловко и сильно нажал на торец болта, раненый сипло закричал, забился и широко раскрыл глаза. То был не фэйри. У всех фэйри глаза чёрные, как ночь. А у этого — золотистые. И даже не узкие, совсем чуточку миндалевидные. Возможно, это и вовсе не ильхонец.

Тай с рычанием выдернул болт из голой спины мужчины. Мэйгут быстро зажала ладонями оба отверстия: и входное, и выходное. Я впервые видела настоящую магию фэйри: кровь остановилась мгновенно, а кожа под девичьими пальцами вспыхнула алыми искрами.

— Стой, дура, ты его поджаришь! — заорал Тай.

Дочь быстро отдернула руки и виновато захлопала чёрными ресницами. На коже чужака остались алые пятипалые ожоги. А раны и в самом деле затянулись, оставив лишь багровые следы.

Мэйгут облизнулась, разглядывая полуголого мужчину, и я вдруг поняла, что его надо спасать, пока ещё возможно. Строго взглянув на дочь, я тихо и ровно произнесла ритуальные слова:

— По праву старшей крови я забираю его себе. Теперь это мой мужчина.

— Так нечестно! — взвизгнула Мэй. — Я его первой увидела! Я его спасла! Я хочу!

Лицо ее некрасиво исказилось гневом, губы задрожали. Мне немедленно захотелось отдать ей все, что она захочет. Подумаешь, мужчина! Для меня он слишком молод, да и не интересуется меня противоположный пол! А единственная моя дочь хочет... Вот только совершенно непонятно, как он здесь очутился и зачем. Не опасен ли он?

Эта мысль и ещё пристальный и молчаливый взгляд золотистых глаз заставили меня повторить:

— По праву старшей крови он мой.

Мэйгут вскочила и сердито топнула ногой:

— Ну и возись тогда с ним сама! Не подойду больше! Пусть сдохнет как собака!

— Зря ты так про собак, — серьезно заметил Тайхан. — Мать, возьми его под левую руку. И понесли в дом, пока другие не сбежались.

7. Чужак

— И давно у Мэй дар исцеления? — спрашиваю я Тайхана, пока мы несем раненого в дом. — Почему мне не сказали?

— Давно, — пыхтит юноша. — Года три уже. Она сначала пробовала лечить мои ссадины, а потом поговорила с теткой...

— С кем?

— Ну, с Рене! Этой... мэйренни-айдро.

— Она знает?

— Разумеется.

— Ты рассказал?

Тай иногда навещал русалку в лесу, я никогда не скрывала от него, благодаря кому он остался здоров. Но я всегда думала, что он молчал об этом, храня мою тайну. Видимо, я ошибалась.

— Матушка, ну за кого ты меня принимаешь! Мэйгун узнала сама. Или ты не знаешь, что она может открыть все двери, которые поддаются тебе? Проследила, подслушала, прибежала советоваться со мной. Я ей рассказал все, что знал. А чего не знал — поведала Рене.

Как мило! И все это время меня обманывали за моей спиной.

Чужак в наших руках слабо, но выразительно застонал. Да, вместо того, чтобы болтать, следовало уложить его в постель и напоить горячим вином, если мы, конечно, не хотим, чтобы все усилия по его спасению пошли прахом! Впрочем, не понимаю, зачем мы вообще его лечили, надо было дать ему сдохнуть, а тело потом вытащить в лес и там бросить. Если будут искать — никто ничего не знает.

Класть раненого было некуда, и Тайхан благородно согласился уступить ему на время свою каморку в конюшнях. Конюшни — это громко сказано. Они, конечно, у нас есть, и там даже живет одна лошадка, мирная, тихая и покладистая. Мы запрягаем ее в возок, когда едем в город за покупками. А Тай мужественно взял на себя когда-то обязанности конюха, отгородил часть конюшни деревянными щитами и соорудил себе вполне уютное логово с узкой деревянной постелью, полками на стенах и даже отхожим местом. Разумеется, зимой он перебирался в дом, к печке, но сколько у нас той зимы? Даже снег выпадал не каждый год.

— Где же ты будешь спать? — неуверенно спросила я оборотня.

— Так в стойле, — беззаботно ответил он. — Постелю сена, брошу поверх него плащ и нормально. Я же не изнеженная барышня! Ты не волнуйся, это же ненадолго. Этот чужак или помрет, или ему станет лучше. Мэй не слишком еще искусна в лечении. Тогда и подумаем, что дальше.

Так и порешили. Раненого уложили в постель, я зачем-то осталась сидеть рядом, а Тайхан побежал в кухню за вином.

Мужчина был мне интересен, я смогла это признать. Непонятно, был он ильхонец или иностранец. Судя по безупречности профиля и черным густым волосам, ильхонская кровь в нем точно была. Но глаза были другие, и нос чуть больше, чем по канону красоты, и кожа не такая темная, как у местных жителей. Полукровка? Да, скорее, всего.

Кстати, Мэй сказала, что у него сломаны ребра. Надо бы перетянуть. Пока же чужаку явно не хорошо. На высоком лбу блестят капли пота, на груди остались кровавые разводы, губы побелели, дыхание хриплое. Я нашла на полке чистую тряпку, намочила ее из кувшина для умывания и обтерла лицо незнакомца. Молоденький совсем, лет двадцать пять на вид, может, даже и меньше.

Неуловимым движением чужак вдруг поймал мою руку цепкими пальцами, широко раскрыл золотые глаза и проговорил отчетливо:

— Я Кей. Кейташи.

— Просто Кей? Какого ты рода?

— Просто Кей.

Отпустил мое запястье и затих, а я в растерянности смотрела на руку и нервно кусала губу. Мне было приятно его прикосновение. От него побежали мурашки по спине. Ко мне прикоснулся мужчина, и я это ощутила.

Выходит, я была права. Он не простой человек. В нем есть кровь фэйри. Ужасно, отвратительно. Что теперь с ним делать?

— Я принес вино, теплое, — Тайхан, как всегда, появился совершенно бесшумно. И как обычно, в самый нужный момент. — Давай я его подержу, а ты напоишь.

— Сначала стоит перетянуть ребра.

— Ты права, матушка. Сейчас найду бинты.

Он принялся копаться сначала на полках, потом в куче одежды, сваленной в одном из углов прямо на пол, а затем с радостным вскриком нашел искомое в сундучке под столиком для умывания. У него, как у вечно влипающего в неприятности, всегда были в комнате бинты и крепкое вино для промывания ссадин и царапин. Конечно, его запасы пополнялись подозрительно часто, но пьяным Тая не видел никто, поэтому мы с матушкой Ши молча закрывали на это глаза.

Мне пришлось держать чужака... Кейташи за плечи, пока сын ловко и с явным знанием дела обматывал его торс широкой тканевой лентой. Тот только скрипел зубами, сдерживая стоны боли. Вино выпил залпом, упал на подушку и, кажется, мгновенно уснул.

— Иди, матушка, я присмотрю за твоим мужчиной.

Щеки у меня вспыхнули, я возмущенно поглядела на юношу. Конечно, я отобрала его у Мэй в присутствии Тайхана, но он же не подумал, что все это всерьез?

— Ну и что ты смутилась? Тебе нужен мужчина, я рад, что он сам нашелся, наконец. Разве вы не учите девочек в школе, что замужество — это хорошо и правильно?

— Тай, он гораздо младше меня!

— Какая разница? Ты вечно молода. Ну пусть не вечно, пусть очень долго. Все равно... Он будет стареть, а ты нет. Так что это не причина...

— Тайхан, мы не будем об этом разговаривать! — жестко и холодно одернула я наглого мальчишку. — Никогда. Я ухожу. И его зовут Кейташи. Просто Кейташи, без имени рода.

Кейташи меня волновал. Кто он такой, как оказался в саду, зачем? Опасен ли он? Чужак был без оружия, и то радость. Но я знала точно, что хороший воин может убить соперника голыми руками. Да что там, дедушка Пако, который старше, чем мир, запросто вырубает молодого и сильного Тайхана одним быстрым ударом ноги. И руки тоже может. Так что Кейташи определённо опасен. Кто знает, что у него в голове.

Я, конечно, помнила, что ильхонских воинов учили не только бою, у них был свой кодекс чести. И в нем говорилось, что они не сражаются с женщинами и детьми. А ещё — долг жизни священен. Вот только я знать не знаю, отку-

да этот молодой человек взялся. А вдруг он просто разбойник какой-то? Конечно, он назвал мне своё имя, как знак того, что доверяет... но его ли это имя?

Встревоженная и злая я пошла за советом к матушке Ши. У неё опыта все же побольше, к тому же она ильхонка, а не какая-то там гюйдо.

— Правильно, что спасли, — выслушав меня, кивнула старушка. — Жизнь человеческая священна. Если небеса дали шанс ее спасти, нельзя бросать человека, даже и разбойника, умирать. И в конюшню поместили — правильно. Пусть Тайхан приглядывает. Пока раненый слаб, ничего не сделает. А потом разберёмся.

Про то, как мы с Мэйгут чужака делили, я благоразумно умолчала. Что касается моей личной жизни, мы никогда не обсуждали.

— Милая моя девочка, — продолжала матушка Ши умиротворенно. — Ты все же не ильхонка и никогда ей не станешь. А мы, те, кто здесь родился, поговору любого местного жителя можем понять, откуда он родом, из какой семьи, какое получил образование. Ну, наверное, и ты своих соотечественников различаешь куда лучше, чем мы?

Я промолчала. Наверное, нет. Ну, по произношению слов могу разве что отличить жителя Северных провинций от южан. Южане говорят быстрее и глотают окончания слов. А северяне куда более медленные и основательные. А остальное... слишком давно я покинула родину.

— Ты поговоришь с ним? С Кейташи?

— Ну конечно. У тебя нет сегодня уроков?

— Нет, завтра.

Я поняла намёк и поспешила удалиться. Матушка явно хотела побыть в одиночестве. А мне не помешало бы, наконец, позавтракать, хотя, кажется, время уже клонилось к обеду. И Таю надо в конюшню отнести каши, он явно не ел ещё. И переодеться, конечно, чтобы девочки не видели директрису вот такой неряшливой: с растрепанной косой и мятой блузкой в пятнах не пойми от чего.

Я давно заметила, что ильхонцы больше доверяют мне, когда я не пытаюсь быть на них похожей. Чужестранка в традиционном ильхонском костюме вызовет презрение и насмешки за спиной. Иностранку в строгой белой блузке и широкой юбке уважают и немного опасаются, она ведь не такая, как местные. Да и мне гораздо удобнее привычные наряды. Поэтому я возвращаюсь в свою комнату и достаю из шкафа свежую рубашку на пуговицах, с рукавом-фонариком и скромным чёрным бантом под воротничком. И юбку тоже надеваю другую, на этой, кажется, пятна от травы. Рыжие непокорные волосы заплетены в тугую косу и прикрыты кружевным платком — от палящего солнца, к полудню будет жарко. Светлые ресницы чуть тронуты кисточкой с краской. Теперь они стали темнее, а глаза — выразительнее и ярче. Я довольна своим отражением в зеркале. Можно выходить «в люди».

— Доброе утро, лея Мальва. Вы сегодня поедете в город? — встречаю я в коридоре лею Олье, учителя каллиграфии и рисования. — Не забудьте про кисти.

— Нет, я никуда не собиралась.

— А я было подумала... ну ладно, доброго дня.

— Мальва, рыбка моя золотая, ты сегодня сияешь! — лее Такери, учительнице танцев и музыки, позволены в общении со мной некоторые вольности.

Мне приятен ее комплимент, но отчего-то хочется вернуться и переодеться в старую мятую блузку.

И вообще, мне казалось, что я всегда выгляжу хорошо!

В школьной кухне было пусто и очень чисто. Матушка Ши не терпела неряшливости, за пятна на столе или невымытую за собой тарелку могла и тряпкой огреть. Всех, даже меня. Поверьте, когда ты получаешь по шее мокрой тряпкой, которой только что мыли плиту или стены, мыть посуду сразу же после еды учишься очень быстро. Исключений не делали даже для учителей или старика Пако: у каждого обитателя школы был свой набор посуды, он сам за ним следил. Ну а кастрюли, чайники и котелки мыли дежурные ученицы.

На завтрак сегодня была каша, густая, молочная и с ягодами малины. Этим летом урожай малины в саду был великолепен. Крупная, ароматная, нежно-желтого цвета, она теперь добавлялась во все, что можно: в чай, в кашу, в пироги. Несколько подносов сушилось на солнце на зиму. На следующей неделе матушка Ши обещала варить варенье, чего с ужасом ждали старшие ученицы. Собирали ягоду младшие, а вот перебирать ее и часами сидеть на душной кухне с кастрюлями варенья придется старшим.

Я быстро позавтракала и наложила в миску щедрую порцию каши. Взяла ложку, чашку с ароматным малиновым чаем и отправилась на конюшню.

Тайхан встретил меня насмешками:

— Матушка, твоя забота мне льстит, но ты уже четвертая, кто стремится меня накормить. Сначала каши мне принесла Мэй, потом матушка Ши, потом прибежали ученицы узнать, почему я не был на завтраке. Теперь еще и ты! Нет, нет, и не проси, я не голоден! Накорми лучше нашего гостя.

— Он спит, — недовольно сказала я, подозрительно поглядывая на лошадку Шусто. Может, ей кашу скормить? Можно ли лошадям молоко? Кошки вряд ли согласятся на завтрак с малиной.

— Ничего он не спит, ворочается. Я же слышу.

Да уж, слух у оборотней гораздо острее человеческого. Оборотни вообще во многом превосходят людей: они быстрее, сильнее, выносливее, у них гораздо лучше реакция. Но вот один недостаток у них перекрывает все достоинства — животные инстинкты. У мужчины может напрочь снести голову от запаха подходящей для размножения самки. ну и наоборот тоже случается. Женщины в период течки ведут себя совершенно непредсказуемо, какая уж тут служба!

— Давай ты его накормишь? — неуверенно предложила я.

— У тебя опыта больше. Ты умеешь с больными, а я просто надену ему тарелку на голову, сама же знаешь.

Да, Тайхан бывал нетерпелив. Молод еще, вспыльчив.

Ничего не поделаешь, придется мне идти к Кейташи самой.

8. Манеры

Тайхан был прав: раненый не спал. И вообще выглядел весьма неплохо, учитывая, в каком состоянии был найден. Пожалуй, бледен, и искусанные губы белы, и глаза блестят как-то лихорадочно, но дыхание ровное и пота на лице нет. А ещё голые плечи прикрыты рубашкой Тая и повязки совершенно чистые.

— Мэйгут приходила, — вырвалось у меня невольно.

— Твоя сестра? Да. Она лекарша.

— Дочь. Мэй — моя дочь.

Глаза раненого округлились, он уставился на меня с изумлением.

— А мальчик, ну, юноша, что называет тебя матушкой?

— Сын.

— Фэйри... — с отвращением протянул Кей. — Ненавижу фэйри.

— Ты сам один из них.

— Ну вот ещё, с чего ты взяла?

— Чувствую.

Не могла же я ему сказать, что проклятье мое в том, что человеческие мужчины мне абсолютно неинтересны, а Кейташи я испытываю определенное любопытство.

— Я не фэйри.

— Я тоже не фэйри.

Разумеется, мы друг другу не поверили, оставшись каждый при своём мнении. Но это было не так уж и важно.

— Ты голоден, не-фэйри?

— А тут ещё и кормят? Я не голоден, я просто хочу жрать. Хотя я завтракал... вчера.

Чары исцеления, ну конечно. Они забирают много энергии.

— Я принесла каши.

— Каши? — на лице Кейташи отразилось отвращение. — А мяса нет? Или хоть тофу?

— Уважаемый, отдельно для тебя готовить никто не будет, ты не в императорском дворце, а в школе для девочек. Каша на завтрак очень полезна.

— Судя по солнечным лучам, время уже к обеду.

— Я вижу, ты не так уж и голоден.

— Э-э-э, стой, — забеспокоился мужчина. — А ты меня покормишь? Из рук прекрасной девы я готов принять даже яд.

— Извини, запасы яда истощились. Есть только каша.

— Я согласен.

Пришлось помочь ему приподняться и кормить с ложки, хотя мне думалось, у него было достаточно сил есть самостоятельно. И кашу он поглощал с явным удовольствием, хотя осилил всего полтарелки, а потом откинулся без сил.

— Спасибо. Неожиданно вкусно, — пробормотал он. — Не привык к такой пище, но вкусно.

Ага, ясно. Господин Кейташи не любит кашу, потому что ему никто ее не готовил. Все же воин? Из какого-нибудь монастыря? Поговаривают, там послушники едят только то, что могут поймать и приготовить сами. Явно они не ловили корову и не доили ее!

— Ты можешь поклясться, что не причинишь зла обитателям этого места? — вспомнила я вновь про свои опасения.

Он приоткрыл один глаз и с укором поглядел на меня.

— Вы мне жизнь спасли.

— И поэтому я должна тебе верить? Тут не военная часть и не казарма. Из мужчин — один Тайхан. Остальные — женщины и девочки. Если тебе в голо-

ву придёт устроить резню, никто не сможет тебе помешать.

На самом деле сможет, но знать об этом чужаку не обязательно.

Кейташи открыл и второй глаз и тихо, но внятно пробормотал:

— Клянусь своей кровью, что не замышляю ничего дурного против обитателей школы «Дивный Сад» и не причиню зла никому из них, если только мне не придётся защищать свою жизнь. Довольна?

— Нет.

— Что еще?

— Ты давал раньше клятву никогда не убивать женщин и детей?

— Минутку, такой клятвы не существует. Есть клятва не убивать женщин и детей, которые не пытаются убить тебя. Если ты нападешь на меня с ножом, я буду защищаться.

— Ты же только что хотел яда из моих рук.

— Я был голоден.

Невольно я улыбнулась. Наша пикировка доставила мне истинное удовольствие. С кем мне тут разговаривать на равных? Не с ученицами же! Иногда было весело ругаться с Тайханом, иногда можно было поболтать с матушкой Ши или перекинуться парой слов с Рене, а учительницы отчего-то меня боялись и никогда мне не возражали. А этот... этот был забавный. Мне он нравился.

Что ж, я получила с него клятву. Этого пока достаточно.

Уходить мне отчего-то не хотелось, хотя Кейташи уже обессилел и ровно задышал, словно уснул. Но я чувствовала: притворяется, разглядывает меня сквозь полуопущенные ресницы. Они у него чёрные и густые.

И все же, кто он? Волосы были длинные — воин. Болтает всюду: значит, не шпион и не наёмный солдат, те обычно молчаливы. Говорит чисто и грамотно, значит, воспитывался в хорошей семье или школе для мальчиков. Что я ещё могла в нем рассмотреть? Полукровка. Грамотный и обученный драться. С явной кровью фэйри. Много ли таких в Ильхонне? Пришлось признать: каждый десятый. В отличие от Ниххона, где чужестранцев не любили до сих пор и браки с ними признавались с большим скрипом, в Ильхонне нравы проще. Здесь работало много иностранцев, как правило, красивых и талантливых. Ильхонки вполне могли выйти замуж за любого из них и родить ребёнка. И если семья позволит, дети воспитывались по местным традициям. То есть, если есть рюпы, в закрытой школе.

Нет, я не смогу быстро узнать, кто такой Кейташи. Имя, кстати, у него вполне себе ильхонское.

Сколько я так просидела, рассматривая чужака, не знаю. Это странно, я давно уже мужчин просто не замечала. Не сказать, что они мной не интересовались, вовсе нет. Видимо, по меркам ильхоцев я не уродлива, несмотря на довольно высокий для женщины рост и выдающиеся достоинства. К тому же, я думаю, собственная школа, да ещё довольно престижная, добавляло мне немало привлекательности в глазах ухажеров. За последние пятнадцать лет я получала предложение руки и сердца не менее сорока раз. Многие пытались со мной подружиться, их не останавливало даже то, что у меня дочь с явными признаками фэйри и приемный сын-оборотень. Впрочем, в последние три-четыре года претендентов на руку, сердце и Дивный Сад сильно поубавилось. Наверное, смельчаки в Шейнаре (*крупный портовый город Ильхонна, второй

после столицы) закончились.

Но я замуж не собиралась ни при каких условиях хотя бы потому, что я по-прежнему не являлась ильхонкой. По местным законам, женщина могла получить гражданство двумя законными методами: стать женой местного или получить личную грамоту от Императрицы. Разумеется, были и обходные пути. Выйти замуж по договоренности за старика или жулика, который потом предоставит документы о своей мнимой смерти. Говорят, в Шейнаре много кто таким промышляет. Но я разумно опасалась, что после «подписания» брака скоропостижного вдовства может не случиться. Ведь недвижимое имущество сразу становится совместной собственностью, а здание школы (раньше там была гостиница) и довольно обширный кусок земли куда заманчивее, чем какие-то там полторы тысячи рюпов. Да, я узнавала стоимость этой услуги. Нет, я не сумасшедшая, чтобы так рисковать.

Все это я говорила мужчинам, которые пытались за мной ухаживать. К их чести, некоторые заверяли меня, что никоим образом не будут претендовать на школу и даже готовы были подписать нужные соглашения, но... мне не нужен мужчина в размеренной и привычной жизни. Я даже представить себе не могу, для чего мне вдруг выходить замуж. Приходилось врать, что до сих пор люблю бывшего жениха, вот такая я преданная и честная женщина. Самое смешное, мне верили и уважали меня больше, чем я того заслуживала. Трое человек и вовсе каждый год повторяют свои предложения, не сдаются. Забавно.

В последнее время я все чаще размышляю о том, что стоит, вероятно, просить аудиенции у «Светлолицой и мудрейшей». Связей у меня достаточно для того, чтобы, как минимум, получить приглашение во дворец. Вот только каких-то особых заслуг у меня нет.

Вот было бы здорово, если бы Кейташи оказался принцем крови! Тогда за его спасение я бы вполне могла попросить гражданство Ильхонна! И тогда я смогу потом оставить завещание, чтобы моя дочь унаследовала школу.

Помечтала, Мальва? Ты когда-нибудь слышала, чтобы принцы с неба падали? Мы же не в сказке...

Кейташи все же заснул. Я поднялась и вышла в сад. Здесь было немало укромных мест, где можно было спрятаться от всех и побыть в одиночестве. Мне бы, конечно, стоило подняться в кабинет и заняться счетами и налоговыми отчетами. Не хотелось. Я люблю цифры и арифметику, расчеты меня успокаивают. Особенно подсчет прибыли, конечно. Сейчас я уже вполне богатая женщина, и это не может не радовать.

И все же мне хотелось в сад. Не зря его называют дивным, он прекрасен, как ни один сад в Ранолевсе. На моей родине нет такой роскошной зелени, таких крупных и ароматных цветов, такой шелковистой травы... Ну, может, в королевском саду. Но я бы туда все равно никогда не смогла попасть.

В колючих кустах барбариса я снова обнаружила Лейзи. Девочка сидела прямо на земле с травником и внимательно изучала листочки. Заметив меня, она робко улыбнулась и сказала:

— Это барбарис, я видела его на картинке в книге, но он на Островах не растёт.

— Верно, — кивнула я. — Этот куст ещё маленькими прутиками привезли из Ранолевса. Я хотела попробовать делать из него желтую краску, но увы,

растение не получается вырастить в достаточном для этого объёме. Ну, хватит с него и ягод, они полезные.

— Не хочет расти в чужой стране? — усмехнулась девочка вполне по-взрослому. — Я его понимаю. Но все равно он очень красивый. В саду так много незнакомых мне растений, это чудо какое-то!

— Тебе нравятся растения?

— Очень. Им все равно, красивый ты или нет. К тому же с ними так спокойно!

— Если хочешь, можешь помогать лее Ши с розами. Она научит тебя вывести новые сорта.

— Очень хочу, можно?

— Я поставлю тебе это в расписание. Матушка Ши давно просила помощницу.

Вот за это я и любила свою работу: помочь девочкам найти свой путь в жизни — разве это не прекрасно? Видеть, как они расцветают, как из маленьких невзрачных ростков вырастает сильное, здоровое, красивое растение. Роза ли, лилия, или ночная фиалка — каждая хороша по-своему, нужно лишь это разглядеть.

Потому и школы мы с матушкой Ши называли так же, как всю территорию: Дивный Сад.

— Ты уже подружилась с кем-то из девочек?

— Пока нет, я... не очень умею дружить. Отец говорил, что мне лучше не показываться на глаза никому из соседей, чтобы его не позорить. Я все время сидела в своей комнате.

— Здесь ты можешь гулять, когда захочешь. Если, конечно, у тебя нет занятий.

— Спасибо, лее Мальва. Мне очень нравится в школе.

Я кивнула и скрылась в закрытой части сада. Маленькие дети — это, конечно, мило, но иногда очень утомительно. Особенно, когда они чужие и их много.

9. Школьные будни

В третий, пятый и шестой день недели я веду уроки ранолевского и эльзанского языка у девочек. Занятия начинаются сразу после завтрака: сначала старшая группа, потом младшая. С теми, кому требуется дополнительная помощь или особые условия, мы занимаемся после обеда. Двое из старших девочек проявляют достойное уважения усердие в изучении языков, у них получается разговаривать уже очень чисто. Их я обычно прошу заниматься с отстающими младшими. А ещё всегда ставлю их вместе на дежурство по кухне, прихожу туда и разговариваю с ними на родном языке. И мне приятно, и им наука.

Старшие ученицы обычно помогают во всем. Тех, кто успешен в математике, я прошу помочь мне со счетами, а юные воительницы всегда сопровождают меня и матушку в поездке в город. В случае необходимости они прекрасно смогут защитить нас от грабителей.

Не бывает детей дурных, глупых или испорченных. Бывают злые взрослые, которые когда-то вложили в ребёнка обиду, боль или унижение. Я не могу сказать, что я люблю каждую ученицу, но стараюсь заботиться о них и слышать

их желания, и они отвечают мне послушанием и старанием.

Даже, к примеру, Ираки, самая проблемная из девочек, жестокая и абсолютно безжалостная. В ней кровь фэйри почти так же сильна, как в моей Мэйгут. А фэйри не знают ни любви, ни жалости, ни страха.

Когда я поняла, что Ираки ничего и никого не боится, я приняла тяжелое решение воспитывать ее как убийцу. В городской страже есть особые воины, которые занимаются выслеживанием и уничтожением опасных преступников (да, они и среди прекрасных ильхонцев тоже частенько встречаются). Ираки там уже давно приготовлено место. Молодая красивая женщина — кто ждёт от неё смертельного удара? Ещё два года — и моя воспитанница вступит в ряды стражников.

Да, мне грустно и даже стыдно отпускать ее на такую жестокую службу, но сама Ираки спит и видит себя на этой работе. Ее поведение в последнее время просто идеально, она старается вести себя дружелюбно с соседками, безукоризненно выполняет любое поручение и получает только отличные оценки. Боится, что, если я не буду ей довольна, могу и не дать нужных рекомендаций. Правильно, в общем-то, боится. В первые года ее обучения мне даже хлыст в руки брать приходилось и запирали ее в чулане за издевательства над кошками и соседками по комнате. К счастью, настолько сложных учениц у меня больше не было и, надеюсь, не будет. Если бы не моя застывшая молодость, наверное, я бы с ней поседела.

Теперь же Ираки одна из первых поднимает руку на уроке, вызываясь прочитать сочинение на эльзанском. Правда, взгляды, бросаемые ей на девочек, кто тоже желает ответить, далеки от добрых и смиренных. Я ее хвалю — она и вправду умница. Если бы не ее работа над собой, своим характером, если бы не острое желание быть «нормальной», ничего бы у меня не вышло. Никто не может слепить из ребёнка человека, кроме него самого. Учителя — лишь помощники.

Конечно, можно сказать, что наставник — это гончар, а ученик — глина, но ведь из дурной глины не слепить красивую тонкую чашку, хоть убейся, а человек на то и наделён разумом, чтобы сам себя творить.

И все мои девочки тому доказательство.

Были у меня и ленивицы, которые не добились ничего особенного. Учились посредственно, на дополнительных занятиях зевали. Из школы вышли обычные красивые девушки, каких на улицах Шейнара сотни. Впрочем, неплохое образование все равно помогло им найти своё место в жизни, благо что в Ильхонне немало рабочих мест для женщин. Им даже не возбраняется быть управляющими лавок, писарями и секретарями, хотя, конечно, мало кто желает. Мои «обычные» девочки предпочли быстро выскочить замуж, а учитывая, что репутация Дивного Сада была высока, женихи нашлись быстро. Каждый получил то, что заслужил. И да, добровольное пожертвование-благодарность школе за воспитанную и послушную жену никто не отменял.

Среди нынешних старших учениц таких обычных шесть. Они мечтают о богатом муже, большом доме и беззаботной жизни. Что ж, наверное, это тоже неплохой план. Не всем же становиться актрисами, сказочницами или воинами. Ещё неизвестно, что лучше — быть почтенной женой и матерью или... как Мэйгут, куртизанкой.

Дочь, кстати, все ещё на меня обижена. Отводит глаза, на уроках молчит,

хотя я точно знаю, что она готовилась. Ее сочинение я видела в нашей комнате. Наверное, мне надо с ней поговорить по душам, объяснить, но в последнее время наши разговоры заканчиваются нехорошо: ссорами и криками. Лучше подожду.

Уже к вечеру (обед я в своих раздумьях пропустила) в закрытой части сада меня разыскала матушка Ши и без предисловий заявила:

— Ну и забавный твой раненый!

— Что же в нем забавного?

— Из знатной семьи, очень воспитанный. Судя поговору, из столицы. Вероятно, из приближенных Императорской семьи. Обучался воинскому искусству в столичной школе Цай, скорее всего, ещё домашнее обучение великолепное было. Не разбойник и не жулик, но явно что-то скрывает или от кого-то прячется. Наотрез отказался называть имя рода и кто его подстрелил. Вот что я думаю, деточка...

— Гражданство? — выдохнула я.

— Да. Его родня не может не отблагодарить. Хватит ли их влияния — неведомо. Есть ещё одна хитрость в ильхонском законодательстве, про неё редко вспоминают. Если двенадцать влиятельных людей попросит за тебя, твою петицию непременно принесут на стол Императору.

— Не Светлоликой и мудрейшей?

— Нет, но тоже неплохо. Передаст, наверное.

Я замолчала озадаченно. Император занимался совсем другими вопросами. К тому же прошения от женщин всегда рассматривала Светлоликая.

Почему «хитрость» использовалась редко, я вполне понимала: человек, у которого достаточно влиятельных друзей, и сам всегда был не из последних, из их круга. Кого я могла попросить вступить за меня? Шестерых моих первых выпускниц, это однозначно. Достаточно ли голоса лучшей актрисы театра Синдоо? А Сказочницы? А начальницы личной охраны Императорской дочери?

Даже если эти женщины подходят, где взять ещё шестерых? Родня Кейташи и он сам? Было бы очень неплохо.

— Надо подружиться с чужаком, — наконец, сделала вывод я.

— Хорошо бы его заинтересовать, — с мягким укором покосилась на меня матушка.

— Ну нет, Мэйгут он не пара. Да и не нужен он ей, только поиграет и прочь отбросит, а он потом обиду затаит.

— Дура, при чем тут Мэйгут?

— А кто? Девочки для столичного аристократа слишком... молоды. Из учителей...

— Мальва!

— Что? — я растеряно поглядела на матушку и вдруг поняла. — Это на что ты намекаешь?

— И не намекаю, а прямо говорю. Ты молодая, красивая, умная. Хочешь гражданство — вертись.

— Это совершенно неправильно!

— В Ильхонне дела так и делаются: а чем ещё женщине расплачиваться за услугу?

— Я... мы ему жизнь спасли!

— Это одно. Долг благодарности, конечно, важен. Но если он ещё будет испытывать к тебе нежность и заботу, дело пойдёт куда быстрее.

— Матушка, он младше меня... не знаю даже, насколько! Я ему в матери го-жусь... если бы блудила с юности.

— Родная, запомни: женщине может быть столько лет, сколько она захочет. Я не говорю, конечно, про дряхлых старух вроде меня, но до определенного срока возраста у женщины нет. Есть разве что вкус и аромат, как у лучшего цветочного вина.

Я нахмурилась и прикусила губу. Раньше матушка Ши настаивала, даже требовала, чтобы я завела любовника. Уверяла, что женская сущность нуждается в мужской твердости, что полноценная жизнь должна быть не только днём, но и ночью. Впрочем, мне казалось, что тема давно закрыта. А это просто подходящих кандидатов на горизонте давно не появлялось! А теперь вот обнаружился, и снова эта песня!

Ну уж нет, никаких мужчин, одни проблемы от них.

— Благодарю за наставление, матушка, — поклонилась я.

— Но пропущу его мимо ушей, да? — усмехнулась старушка, так хорошо меня знающая. — Что ж, ты девочка взрослая, умная, делай как знаешь.

Демоны! Зачем мне мужчина, зачем они вообще нужны, если отбросить эфемерное и лживое чувство под названием «любовь»? Со своей жизнью я прекрасно управляюсь сама, деньги зарабатывать умею, поговорить мне есть с кем. Детей не хочу, достаточно. Я вообще считаю, что понятия «брак» и «семья» придумали мужчины, чтобы заключить женщин в клетку, чтобы управлять ими. Якобы потому, что женщина слабее и беззащитнее. Вот только защищать ее нужно, как правило, от тех самых мужчин. Хорошо устроились: сначала мы будем поднимать на тебя руку, угрожать и насиловать просто потому, что сильнее физически, а потом предложим защиту. Только ты должна будешь нам прислуживать и рожать детей.

Вот не люблю фэйри, но у них хотя бы полное равноправие. А все потому, что магия уравнивает силы.

Наверное, поэтому я стараюсь дать моим девочкам такие наставления, чтобы они могли быть самостоятельными и вполне способны были прожить без мужчин. Вот только почему-то все они стремятся к замужеству... Что ж, мое дело вырастить их и выпустить в самостоятельную жизнь, а не заставлять жить именно так, как хотелось бы мне.

Я счастлива своей судьбой, а они своей. Главное, не забывать об этом.

Наверное, мне пора навестить Рене. Давненько я у неё не бывала. Внутреннее смятение, не отпускавшее меня с того момента, как в саду появился незнакомец, начинало раздражать. Я никак не могла найти точку равновесия, и это было неправильно.

Но отчего-то мне не хотелось рассказывать Рене про Кейташи. Хотелось скрыть его, спрятать. И это тоже было ненормально. Впервые за последние двадцать лет я ощущала себя растерянной и встревоженной. У меня не было плана на такой случай, и я не могла предсказать свой завтрашний день. Мне это не нравилось.

10. Загадочный Кейташи

Утром следующего дня я собиралась ехать в город. Перья, бумага, чернила...

заглянуть на рынок и в лавку тканей, проверить цветочный лоток, где торгуют свежими цветами из нашего сада для экибан и украшения домов. Я слишком прижимиста, чтобы позволять такой красоте пропадать втуне, а розы и лилии слишком красивы. Они достойны стоять в вазах самых почтенных домов Шейнара.

Возле кабинета меня ждала лея Норизэ, юная учительница математики и законов.

— Лея Мальва, я просила об отпуске. Мне нужно две недели, чтобы проведать матушку. Она с Восточного Острова, от неё уже месяц нет писем, я волнуюсь!

Молодая женщина выпалила все это очень быстро, явно волнуясь. Руки, сложенные у груди в молельный жест, дрожали.

— Лея Норизэ, ты ведь знаешь наши правила. Отпуск тебе полагается только через два года. Отправь гонца или напиши соседям, я не знаю. Твое жалование позволяет что-то придумать. Впрочем, если тебе так надо уехать, ты всегда можешь уволиться.

Я точно знала, что она не рискнёт. Во-первых, устроиться работать в Дивный Сад не так уж и просто. Во-вторых, платим мы тут более, чем щедро, учитывая, что жильё и еда из жалования не вычитаются. Ну а в-третьих, по контракту, который она подписала, ей не будет никаких рекомендаций до тех пор, пока она не отработает упомянутые уже два года. При следующем устройстве на работу ее непременно спросят, почему так вышло. Что ответит?

Чисто теоретически, отпустить я ее могла, взяв на себя две недели уроков математики и попросив матушку учить девочек законам. Но почему я должна брать на себя лишние обязанности? У меня и без того дел достаточно! Я нанимала учителя не для того, чтобы выполнять его работу.

— Лея Мальва, молю! У меня просто нет времени! А вдруг матушка моя больна или при смерти?

Я с удивлением поглядела на молодую женщину. Ей не больше двадцати пяти. Сколько может быть лет матушке? Пятьдесят? Самое большее — шестьдесят? Для идеально здоровых ильхонцев это самый расцвет жизни!

— Ты меня услышала, лея Норизэ. Решай свои проблемы сама и впредь меня не вмешивай.

— Это потому, что ты сама — сирота! — зло бросила мне Норизэ. — Не знаешь, что такое — дочерняя любовь! И вообще любить не умеешь.

Я только пожалала плечами, сделав мысленно пометку вписать в личное дело этой женщины несколько недобрых слов. Будет она ещё спорить с хозяйкой школы! Захлопнула дверь кабинета перед ее наглым носом, собрала нужные бумаги в небольшую кожаную папку, прикрепила к поясу кошелек и внимательно оглядела себя в зеркале. Белая блузка с воротничком под горло, широкая бежевая юбка с карманами, традиционная ильхонская соломенная шляпа, завязанная лентами под подбородок. Обычный строгий наряд, ничего лишнего. Можно ехать. Возьму с собой Тайхана и Ираки. Ей поездка в город — всегда награда.

Тайхан тоже не возражал, кинул мне только небрежно:

— Кей про тебя спрашивал. Ты к нему два дня не приходила.

— А зачем? — удивилась я. — Ему плохо? Раны воспалились? Некому покормить?

— С ранами в порядке все. И я его кормил, вернее, он сам прекрасно держит ложку. Правда, требовал рыбы, салата с чукой и маринованного кальмара. Я предложил пойти наловить и замариновать, он почему-то не согласился.

Я хихикнула. Так этому привереде и надо! Кальмаров он захотел! Пусть в ресторан едет, у нас еда простая, но сытная и вкусная. Картофель, морковь, лук и капусту выращиваем сами, между прочим. А рыбу и мясо нам привозят торговцы раз в неделю. Раньше у нас ещё курятник был, старый Пако ловко рубил головы этим крикливым тварям, но потом куры передохли от какой-то болезни, и я решила, что вполне могу себе позволить яйца и птицу покупать на рынке, а не заставляя учениц ещё и птицеводством заниматься. Хватит с них четырех коз и огорода.

— Узнаю в городе, не ищут ли какого пропавшего аристократа. Очень любопытно, кто же все-таки такой наш Кейташи.

— Я догадываюсь, но пока не уверен, — хитро прищурился Тай.

— Поделишься догадкой?

— Не-е-е, если промахнусь, то буду выглядеть глупо. Никуда Кей не денется, рано или поздно ему придётся признаться.

— Надеюсь, ты прав. Хотя я, признаться, думаю, что он попытается сбежать в одну из ночей.

Тайхан неопределенно пожал плечами и отправился запрягать кобылку. Я же разыскала Ираки и велела ей одеваться. Она очень обрадовалась поездке и собрала целую сумку метательных ножей: затупились от частых тренировок. Сама она точила их неважно, это дело долгое и нудное. А в городе есть точильщик сточильной машиной.

Мысль о том, что Кей и вправду может сбежать, меня теперь тревожила. Раны ему Мэйгут залечила очень неплохо, ест он с завидным аппетитом, скоро начнёт подниматься с постели и все... улетит как ветер. Видимо, зачарованные стены его не остановят. И удержать мне его нечем, не ложиться же с ним в постель, в самом деле!

* * *

В городе всегда находится куча дел. Для начала мы заехали в ратушу, где я уплатила положенные налоги и сдала расчетные бумаги. Потом в банк — положила на счёт деньги, полученные за обучение Лейзи. В писчую лавку — за перьями и чернилами. Заодно купила несколько чистых тетрадей. Навестила и мясника, уточнила, не вышли ли мы за пределы оговорённой суммы. Выписала ему расписку для банка, заверила личной печатью. Мне очень нравилась эта система: не нужно таскать с собой кучу наличных, можно просто выдать в оплату товара бланк, с которым продавец потом придёт в банк Шейнара и, скорее всего, не будет получать эти деньги, а запишет их себе на счёт.

Заехали и к городской страже, якобы для того, чтобы Ираки поприветствовала своих будущих соратников. Она и в самом деле очень радовалась их вниманию и комплиментам. Ножи они у неё отобрали и заточили сами. В городскую стражу чаще всего идут работать молодые и смелые, а те, кто постарше, уже не бегают по улицам, а сидят в кабинетах или переходят в охранную службу. Неудивительно, что мне выложили все новости (меня тут любили, я всегда приезжала с пакетом булок), а после поспорили с моей ученицей, что она не сможет попасть ножом во-о-он в то крошечное зелёное яблочко.

Про пропавшего молодого воина никто ничего не знал, а в яблочко Ираки попала с первой попытки.

Тайхан отправился по самым дорогим гостиницам, резонно предположив, что наш чужак должен был где-то остановиться. Вряд ли с его аристократическими привычками он прибыл пешком и без сменной одежды, а мы с Ираки поехали в лавку с тканями: поглядеть на новинки, купить хлопка, шерсти и шелка для шитья одеял и послушать сплетни. Впрочем, ничего нужного не узнали, хотя денег потратили больше, чем я рассчитывала. И зачем мне, спрашивается, ильхонская шелковая мужская рубашка?

Тайхана мы дожидались в небольшом уличном ресторанчике. Пили чай, вкушали морские деликатесы (включая того самого маринованного кальмара), обсуждали новую моду: женщины теперь носили халаты с крупной вышивкой. Раньше шелковые одежды были все больше разрисованные красками. Изменились и прически, стали более гладкими, сдержанными. Никто уже не носил в волосах целые икебаны, достаточно жемчужного, а то и деревянного гребня. Надо признать, выглядело очень достойно. Скажу Тайхану, что нужно заехать ещё в лавку с украшениями, не стоит отставать от моды.

Мой сынок появился, когда мы уже откровенно заскучали. Тайхан был не один, если можно так выразиться. Он вёл на поводу лошадь, да какую лошадь! Вороную длинноногую кобылку красоты неопишуемой, наша скромная лошадка рядом с ней выглядела, что старая дворняжка в сравнении с борзой. Через холку вороной были перекинuty кожаные сумки. Нетрудно было догадаться, кому принадлежала лошадь.

Тай плюхнулся на стул, с сомнением заглянул в пустой чайник, утащил с тарелки Ираки остатки тофу и принялся сосредоточенно жевать с самым невинным видом. Мне немедленно захотелось стукнуть его ложкой по лбу.

— Кто? — не утерпела я. — Кто он?

— Кейташи Кио.

Было от чего ахнуть. Кио! Императорская фамилия! Да, все-таки заполучу я своё гражданство, в этом нет сомнений.

— Покойный Кейташи Кио, — остудил меня сын, — два дня назад найден изуродованным до неузнаваемости в канаве. Опознали по волосам и нагрудному медальону. Тело отправили в столицу, где его, я думаю, предадут ритуальному сожжению.

Мы с Ираки переглянулись с самым изумленным видом. А кто тогда у нас в конюшне? За беседой с ученицей я как раз успела узнать, что на секретного раненого уже поглядела вся школа.

Выходит, или наш Кейташи — не Кио, или удачно замел следы. И я склоняюсь ко второму варианту. Единственное, что меня смущало...

— Он похож на полукровку.

— Матушка, ты вообще Императоров видела? Или их портреты хотя бы?

— Видела. В учебниках. Не сказать, что что-то выдающееся.

— Ну хотя бы историю бы вспомнила... Первая Императрица была дочерью ниххонского воина и эльзанской графини. А ее супруг — лис-оборотень. Ты хочешь, чтобы их потомки были сплошь узкоглазы и черноволосы?

— Учебники...

— Печатаются с клише. Попробуй передать на крошечной гравюре разрез и цвет глаз.

— Допустим, наш Кей...

— Я думаю, да. Кстати, его лошадь и пожитки обошлись в семьсот рюпов. Надеюсь, мне воздастся.

— Надеюсь, ты стребуешь долг не со школы, а с Кея. У меня совсем нет денег сейчас.

— Ну да, а в банк мы заезжали исключительно для того, чтобы поболтать с банкирами. Так чай мне будет или нет?

— Уже поздно. Если ты хочешь нарваться на ночной дороге на грабителей, пей, конечно.

— Просто мечтаю, да и Ири тоже, верно, дорогуша?

Ираки молча кивнула и улыбнулась как-то кровожадно.

— Но я знаю, тебе дурно от вида крови, поэтому я переживу без чая. Поехали. Ири, хочешь верхом?

— Неприлично незамужней девушке ездить верхом, — вздохнула ученица. — Лея Мальва, может быть, вы?

— По сумеркам и на незнакомой лошади? Не смешите меня. Я еду в повозке.

К счастью для меня и к сожалению для моих спутников, домой мы вернулись хоть и в темноте, но без происшествий. Несмотря на то, что в повозке лежало несколько тюков с дорогими тканями, шкатулка с гребнями и заколками, мешочек с иголками и нитками для вышивания, а ещё сундучок с письменными принадлежностями, никто не покусился на эти богатства. Возможно, городская стража знала свою работу, а возможно, мы уже примелькались тут. Пару лет назад на нас уже нападали, и закончилось это очень печально. Для разбойников, разумеется. Кстати, тот случай пошёл на пользу нашей репутации. Весь Шейнар увидел моих девочек-воительниц в деле, а им тогда было всего четырнадцать лет.

11. Разговоры

Несмотря на то, что время было позднее, я отправилась в конюшню вместе с Тайханом. Уж очень было любопытно поглядеть, как отреагирует Кейташи на лошадь. В каморке Тая горит свет. Гость наш императорских кровей не спит. Интересно, он там один? Лучше бы один. Убью того, кто к нему прикоснется.

Странная мысль, разве я имею на него какие-то права?

Тем временем Тайхан привёл нашу лошадку и отправился за второй. Я прислонилась к стене, ожидая. И мое терпение было удовлетворенно в высшей степени! Стоило вороной заржать, как из каморки послышалось шебуршание, и через пару мгновений оттуда выскочил полуголый Кейташи. Невольно я залюбовалась длинной сухощавой фигурой, широкими плечами и золотистой кожей. Красив, как и все ильхонцы, ничего особенного... но... много ли я видела обнаженных ильхонцев?

— Цийлин! — Кейташи просто сиял, обнимая лошадь. — Откуда? — оглянулся на Тая и спросил со смехом: — Сколько отдал?

— Восемьсот.

— Ха! Она стоит втрое дороже! В ней кровь легендарных кирин (*демоническая лошадь-дракон), пара капель, но все же! Видел бы ты, как она ходит в тумане...

— Итак, Кейташи Кио, что вы забыли в моем саду? — обратила я на себя его внимание. Во всем Ильхонне на «вы» было принято обращаться только к членам Императорского рода. Ну и дети, разумеется, старших обязаны были почитать. Взрослые же люди все были равны.

Он оторвался от лошади, бросил на меня острый взгляд и вдруг замер. Уже медленно и пристально оглядел меня с ног до головы. Я немедленно заволновалась. Целый день в разъездах! И волосы растрепались, и белая блузка далеко уже не белая, и лицо уставшее. Наверное, убеждается, что я не фэйри. Те всегда выглядят идеально. Надо было хотя бы умыться перед тем, как приходить.

— Во мне что-то не так? Я испачкалась?

— Нет, ты... прекрасна как всегда. И я не могу пока рассказать, что я делал в твоём саду. Я и сам этого ещё не знаю. Но прошу позволить мне остаться здесь ещё на какое-то время. Пока не решу, как быть дальше.

Некоторое время мы просто стояли и глядели друг другу в глаза. Его взгляд странно мерцал при свете фонаря.

— Вы ужинали? — наконец, отвернулась я.

— Ты. Здесь я просто Кейташи. Кей. Я ужинал, мне эта девушка Норизэ принесла поесть.

— Что ж, просто Кей. Я вижу, ты уже ожил. Не пора ли, в таком случае, освободить каморку моего сына?

— Матушка, что ты говоришь! — возмутился Тайхан. — Все в порядке, лей Кио...

— Она права, Тай. Я прекрасно размещусь в стойле рядом с Цийлин. Мне так даже будет спокойнее. И никого не стесню. Раны меня почти не беспокоят, а твоя постель, прости, жесткая, как голые доски.

— Ну уж не императорская опочивальня, — по-звериному фыркнул Тайхан, зевая. — Матушка, ты сегодня в конюшне ночуешь? Или все же пойдёшь к себе?

Снова я поймала острый злой взгляд Кейташи. Сейчас-то что Светлоликому не нравится? Мое присутствие? Так я тут хозяйка, где хочу, там и хожу.

— Лей Кейташи, я жду тебя завтра после завтрака в саду. Будем разговаривать.

— Звучит тревожно.

— Не менее тревожно, чем имя твоего рода.

Он только усмехнулся, расправив плечи. Заметил мой взгляд и красовался, словно павлин. Но на него и вправду было приятно поглядеть.

Я вышла, напомнив Тайхану разгрузить повозку, и направилась напрямиком в баню, чтобы смыть пот и усталость непростого дня. Там горел свет, значит — кто-то уже был. Мне нравился ильхонский обычай принимать ванну без обнажения, в тонкой шелковой сорочке. Несмотря на то, что я давно покинула родину, вбитые в приюте понятия о целомудрии и скромности все ещё давали о себе знать. Раздевалась догола я только в одиночестве или при дочери, если последнего нельзя было избежать.

— Матушка, ты вернулась, — поприветствовала меня Мэйгут, расслабленно лежащая на лавке. — Ираки говорит, что вы купили новые гребни? Что сейчас носят в Шейнаре?

Ираки, погружённая в одну из бочек, кивнула мне и зажмурила глаза бла-

женно. К моему удовольствию, она была в сорочке. Впрочем, не потому, что стеснялась, а лишь скрывая вечные синяки и ссадины, которые неизбежно появляются на теле, если ты изо дня в день занимаешься военными искусствами. Мэйгут же была обнажена, лишь прикрыта простыней.

Я сняла одежду за ширмой, накинула шелковую белоснежную сорочку до колена, поднялась по небольшой лесенке и шагнула в купель. Горячая вода с запахом цветов охватила меня со всех сторон, поглаживая и крепко обнимая. Сразу стало жарко, заколотилось сердце, на висках выступили капли пота.

— Мэй, сможешь потом вымыть голову?

— Конечно, матушка. Так что там в Шейнаре?

— О, теперь носят халаты темных цветов с крупной вышивкой. Я видела птиц, бабочек, цветы и даже тигра. Красиво. И очень подойдёт для нашей школы. Купила темного шелка, много ниток, наймём лучших вышивальщиц, и на день выпуска наши ученицы будут блистать.

В этом году двадцать исполнится троим девочкам, Косай, Еранум и Танпо. Ирис, герань и одуванчик. Как это будет красиво: чёрный шёлк, расшитый одуванчиками, темно-лиловый — ирисами и изумрудный — кружевными листьями и крупными соцветиями герани.

— Тогда тебе надо с птицами. Журавлями, или, может быть, ласточками. В честь уважения к Императорской семье.

На Императорском гербе нарисован чёрный дрозд. Отчего так, никто не помнит уже. Но вообще род Кио считается покровителем всех без исключения птиц. Разумеется, вышить чёрного дрозда на чёрном шелке — это немислимая дерзость, а жаль. Я уже представила, как изысканно, но в то же время скромно смотрелось бы подобное.

Какое-то время мы разговаривали о нарядах и украшениях, и Ираки даже участвовала в беседе, что, несомненно, пошло ей на пользу. А потом ученица, завернувшись в простыню, ускользнула из бани, оставив нас с дочерью наедине. И все изменилось. Повисла неловкая тишина.

— Давай я полью на волосы? Самой тебе их вымыть сложно, слишком вьются.

Я согласилась. Да, вьются. После мытья их нужно будет заплести в тугие косы, а если этого не сделать, наутро уложить их может только щипцами.

— Жаль, что мои волосы не такие, — неожиданно пробормотала Мэйгут. — Я бы хотела кудряшки.

— У тебя просто великолепные волосы, — возразила я.

— Слишком. Мне не нравится моя внешность. Как картинка. Женщина не должна быть идеальной, ей нужен какой-то изъян, и тогда ее будут любить не только «за», но и «вопреки». Ах, если бы у меня были веснушки или кудряшки, тогда я не была бы похожа на фарфоровую куклу!

— Милая, но ты самый красивый человек, которого я знаю!

— С одним лишь недостатком: я не человек, — сердито ответила Мэй.

— Вот видишь, и ты не идеальна, — хихикнула я, заматывая волосы полотенцем. — Есть и своё «вопреки». А вообще слабые и трусливые мужчины тебе и не нужны, ты их разжуешь и выплюнешь. Рядом с тобой может быть только очень сильный. Его очень непросто найти.

— И поэтому ты растишь из меня куртизанку, — неожиданно горько сказала дочь. — Видимо, для того, чтобы я могла выбрать...

— Мэйгут!

Но девушка уже не слушала. Она подхватила свой шелковый халат и выбежала из бани. Я потерянно огляделась, закуталась в простыню и выскочила за ней в ночной сад. Красота вокруг просто ошеломляла. В бархатно-чёрном небе бриллиантами переливались крупные звёзды. Томно шелестели темные ветви кустов. Оглушительно трещали цикады. А аромат стоял такой, что у меня закружилась голова и я вдруг забыла, зачем вышла. Почему я раньше не видела всего этого? Раньше сад был просто садом, розы — цветами, и недешевыми, а звезды лишь проводником в безлунную ночь.

Очнувшись, я тряхнула головой. Полотенце с волос упало, и копна влажных мелких кудряшек рассыпалась по голым плечам. Мэйгут нигде не было видно, наверное, она уже в нашей спальне. И чего я, дура, испугалась?

— Ты все же решила соблазнить меня, лея? — раздался вдруг из темноты тихий мужской голос. — Я думал, ты никогда на такое не решишься.

Я подскочила от неожиданности, едва не потеряв простыню, к счастью, ещё визг удержала. На лавочке, скрываясь в кустах, сидел Кейташи.

— Ты что тут делаешь? — прошипела гневно, радуясь, что темнота скрывает пылающие щеки.

— Любуюсь соблазнами ночи, — усмехнулся он. — Сначала одна рыжая пролетела мимо, показав очаровательные ножки. А потом вторая продемонстрировала другие прелести, ничем не хуже. Мне нравится, продолжай.

Я прищурилась. Интересно, что сделает этот наглец, если я вдруг случайно потеряю простыню? Вряд ли это его смутит. Он же Кио, поди, доступных женщин во дворце у него было видимо-невидимо.

— О чем задумалась, ночная фея? Ищешь ответ поядовитее? Напрасно, я не желал тебя обидеть.

— Думаю, был ли у тебя гарем во дворце, лей Кейташи, — насмешливо ответила я. Зрение мое уже привыкло к темноте, и я видела его вполне отчетливо. Мужчина явно не ожидал такого ответа. Его золотистые глаза округлились.

— Не было, лея Мальва. Во-первых, я не женат. А во-вторых, гаремы запрещены в Ильхонне. Даже для императорского рода. Я бы сказал, особенно для императорского рода. Нас воспитывали в строгости.

— Ай, какая жалость! Какая потеря для придворных дев! Тяжело же тебе придётся в браке.

Кей вдруг поднялся с лавки и шагнул ко мне. Я и не думала, что он такой высокий. Обычно он или лежал, или сидел, или просто был...далеко от меня.

— Желаете проверить мои постельные умения, лея Мальва? — свистящим шепотом спросил он. — Уверен, не разочарую.

— Предпочитаю поверить на слово, — струсила я, делая шаг назад и судорожно цепляясь за съезжающую простыню. — И вообще, уже ночь. Ночью по саду гулять запрещено!

— А ты что делаешь тогда?

— Иду домой из бани, разве не видно?

— Интересные у вас тут обычаи... все ходят домой полуобнаженными, или мне просто повезло?

— Если я увижу, что ты тут подглядываешь за моими ученицами... — рассвирепела вдруг я.

— Ни за что! — пылко воскликнул Кей, поднимая руки ладонями вперед и

отступая на шаг. — Я не самоубийца! И вообще, пора мне в конюшню. Теперь-то я точно засну, и сны мне будут сниться самые сладкие.

Ругаясь самыми непотребными словами на родном языке, я вернулась в баню. Накинула халат, надела сандалии, потушила огонь и погасила фонари. Нет, каков наглец! Сны ему сниться будут! Как это непристойно! И почему у меня от этой мысли по животу бегут мурашки и вздрагивают руки?

Мэйгут крепко спала, когда я вернулась. Я же долго ворочалась, зачем-то представляя, какие такие сны могут сниться Кейташи Кио.

12. Кто опаснее

Утром, еще до завтрака, я выглянула в сад. Мне хотелось понять, так ли он прекрасен, как показалось ночью. Или... надо же, я начала врать сама себе. На самом деле мне было любопытно, будет ли Кейташи подглядывать за гимнастикой учениц. Он ведь мужчина, а они все молоды и совершенно очаровательны.

Ни с кустов, ни на лавке я его не увидела и, довольная, прошла в закрытую часть сада. Хм, возможно, он просто еще не проснулся? Кто их, принцев, знает...

Мое умиротворение было безобразно нарушено леей Норизэ. На этот раз она рыдала и порывалась целовать мне руки.

— Лея Мальва, мне пришло письмо от соседней матушки!

— Вот и славно, а ты переживала.

— Да! Нет! Матушка сильно больна, дозвожь мне...

— Мы это уже обсуждали, лея Норизэ. У меня только один учитель математики. Если закон может пару недель преподавать лея Ши, то математику некому. Я никак не могу дать тебе отпуск.

— Полно, отпусти девочку, — раздался со скамейки ненавистный уже голос. Вот откуда он опять тут взялся? Клянусь, минуту назад я сидела на этой лавке, и там никого не было! — Хочешь, я могу вести уроки математики. Ничего сложного.

— Не лезь, куда не просили, — резко ответила я. — Дела школы тебя не касаются!

— Родители — это святое, лея Мальва, разве ты так не считаешь? Где твоя мать живет, лея?

— На Восточном острове, лей, — в голосе Норизэ слышится надежда, и я ненавижу ее за это.

— Три дня, чтобы добраться. День собрать вещи. И неделя, чтобы перевезти мать в Шейнар. Не так уж и долго.

— Что значит «перевезти мать в Шейнар»? — удивилась я. — Зачем?

— Чтобы впредь та не оказалась в такой неприятной ситуации. Продаст имущество, снимет здесь домик или комнату...

Норизэ покраснела и заморгала. Все это явно не входило в ее планы.

— Там... нечего и продавать. Мы жили очень бедно. Я хотела заработать и потом, уже позже, подумать над маминым переездом...

— Понимаю. А здесь, в Дивном Саду, места для одинокой женщины не найдётся?

Это было уже совершенно невыносимо! Какое право этот нахал имел распоряжаться в моем доме? Я разозлилась невыносимо.

— Лея Нориз, у вас есть две недели, чтобы решить свои проблемы. В ваше отсутствие математику у младших учениц будет вести лей Кейташи. Найдите лею Ши и скажите, что я велела выдать вам жалованье за последний месяц, уверена, пригодится. И имейте в виду, отпуск неоплачиваемый!

— Лея Мальва, ты святая! — молодая женщина все же как-то ухитрилась поцеловать мне руку, а потом умчалась прочь. Я брезгливо вытерла кисть о юбку и с ненавистью поглядела на Кейташи.

— Еще раз ты влезешь в дела школы... Клянусь, я тебя уничтожу!

— И что ты мне сделаешь, хозяйка? — Кей надо мной откровенно смеялся, хотя лицо его было невозмутимо. — Я мужчина, воин. Ты даже убить меня не сможешь, потому что я сильнее.

— Яд, — коротко напомнила я.

Он задумался на мгновение и приподнял уголки губ в улыбке. Очевидно, это должно было обозначать высшую степень веселья.

— Нет. У меня иммунитет к ядам, — наконец, сказал он. — Это секрет, но... не трать свои запасы, женщина.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Пойдём со мной на прогулку, и я покажу, как бесславно ты можешь погибнуть в моем саду.

— С радостью последую за тобой, Хозяйка.

Не знаю уж, о чем он подумал, но вид у Кейташи был крайне довольный. Видимо, ему казалось, что я зову его на свидание (ох, какое глупое слово, я уже совсем забыла его истинное значение!), или просто радовался возможности осмотреть закрытую для него часть сада. Я же точно знала, что если захочу, то ни один чужак живым мою обитель не покинет.

Мы медленно шли по извилистым, усыпанным каменной крошкой тропинкам, любуясь пышно цветущими кустами и клумбами. Ну, то есть я любовалась, а что уж думал Кей... Впрочем, он казался человеком образованным, а в Ильхонне культ красоты. Не мог он не заметить всего великолепия и гармонии моего сада!

За одним из кустов я заметила краешек форменной синей юбки. Кто-то из младших учениц прогуливает занятия? Шагнула в шелковую траву, заглянула, с удивлением обнаружив там хроющую Лейзи.

— Ты почему здесь, а не на уроках? И как ты ухитрилась заполучить красный пояс?

— Лея Мальва! Я... наказана. Опрокинула чернила на уроке каллиграфии, испачкала себя и соседку. А... — девочка замялась и опустила глаза, и я холодно велела ей продолжать. Тихо, почти неслышно она шепнула: — Дэйзэ сказала, что я не только кривоногая, но и криворукая. И я вылила ей на голову остатки чернил.

Я едва удержала неуместный смешок. Спору нет, за такое полагалось наказание. И Лейзи, и Дэйзэ.

— И что ты делаешь тут?

— Рисую. Иероглиф «спокойствие» я уже закончила, а потом хотела рисовать цветок, но нашла садовые ножницы и немного подстригла куст. Простите. Он кривой был очень.

Иероглиф «спокойствие», выведенный на листке тонкой рисовой бумаги, был, на мой взгляд, куда кривее, чем куст. Куст же имел форму идеального шара.

— Задание стоит переделать.

Я тронула Кея за рукав, кивнула ученице и степенно, как и полагалось даме моего статуса, поплыла по дорожке дальше.

Кто бы знал, сколько я училась этой неторопливой походке! В Ранолевсе все куда-то спешили, бежали, порой толкались локтями, да и в Ильхонне мужчины на улицах города позволяли себе быть быстрыми и резкими. Женщина же должна быть томной и изящной, как кошка, плавной, как летящий по ветру цветочный лепесток.

Кей некоторое время шёл позади, надеюсь — любуясь моей грацией, а потом догнал в два прыжка.

— Забавная девчушка, — сказал он мне. Я покосилась удивленно: никто никогда не смел обсуждать при мне ни учениц, ни учебу. Но Кей, видимо, запросто нарушал правила. — Правильно она и сделала, что...

— Нет, — мягко остановила я его. — На слова нужно учиться отвечать словами, а не действиями. Слово может ударить куда сильнее, чем ладонь. Но, безусловно, я довольна уже тем, что Лейзи смогла постоять за себя. Для неё это большой шаг вперёд.

— А правду говорят, что в школу берут только талантливых красавиц, да ещё за огромные деньги?

— Да, правда, — усмехнулась я, вспомнив самый первый свой выпуск. Видал бы он Гойренн!

— Тогда зачем ты взяла эту хромоногую?

Я подумала и ответила правду:

— Ей тоже хотелось жить. Лучше тут в служанках, чем ее по-тихому придушили бы дома.

— Всех не спасёшь.

— Да.

Сам того не зная, он затронул болезненную для меня тему. Это сейчас у школы была матушка Ши, которая жестко и бескомпромиссно отказывала всем негодным, а скоро мне придётся это делать самой. Смогу ли?

Хорошо, что мы уже дошли до ограды, что отделяла сад от леса, и я не сказала этому неприятному человеку ничего личного.

В каменной стене была крошечная, укрытая кустами калитка. Я толкнула ее и, пригнувшись, вышла из сада. Кейташи замешкался.

— Это что, любой может так выйти? — недоверчиво спросил он. — Просто взять и уйти в лес?

— Конечно, нет. Дверь зачарована. Открыть ее могу только я и ещё пара человек.

— А я могу?

— Нет.

— То есть, если тебя сожрет в лесу екай, мне самому не вернуться?

— Именно так. Но ты не переживай, у нас нет екаев.

— Тогда зачем ты меня сюда привела?

— Познакомить кое с кем.

В дальний лес я давно уже не рисковала углубляться, полностью оставив его Рене. Кто знает, какие твари там водились! Как-то разлюбила я фэйри после достопамятной встречи с Гарманионом. И с Рене мы теперь встречались на красивой полянке совсем рядом с калиткой. Там стоял для меня удобный

камень, можно было присесть, что я и сделала.

— Здравствуй, Рене, погляди, кого я привела!

Спустя пару мгновений на поляне появилась моя подруга. В этот раз — совершенно голая. И с ногами.

Кей уставился на неё во все глаза, и я его не могла осуждать. На такое красивое тело не грех и поглазеть. Да я и сама разглядывала ее с удивлением и завистью.

— Хей-о-о-о, Мальва! — томно выдохнула Рене, прикасаясь тонкими пальцами к плечу застывшего Кея. Ох, знала я этот взгляд, знала! Вероятно, так же я смотрела на Гарманиона! Проклятые фэйри! — Какой подарок! Не ожидала! Великолепный! Заберу его к себе в озеро, уложу на дно песчаное, укутаю травой шелковой... любить буду... Спасибо!

И эта темная тварь вцепилась в плечи Кея, намереваясь забрать его прямо сейчас! Ну нет, я так не согласна! Я не для того его выхаживала, чтобы его сейчас утопили!

— Погоди, Рене, — торопливо заговорила я, скидывая ладони русалки с его плеч. — Ты все не так поняла. Это мой мужчина. Я просто привела его показать!

И сама обняла этого оцепеневшего болвана, обвила рукой его шею, ладонь положила на грудь и заглянула в колдовские золотые глаза. Показалось ли мне, или его резные губы дрогнули? Мужская рука неуверенно легла мне на талию. Кей ожил, бросил быстрый взгляд в сторону надувшейся Рене и опустил глаза на мою вздымающуюся в волнении грудь. Кажется, он осознал, чем ему грозит эта нелепая ситуация.

— Я — ее мужчина, — быстро подтвердил он. — Познакомиться хотел... с подругой Мальвы.

— Фи, какая гадкая Мальва! — плаксиво протянула русалка. — Хвастается она! Мужика для подруги пожалела! Сокол мой, погляди на меня, я же ее красивее! Останься со мной, я дарю тебе вечную жизнь...

— Спасибо, у меня ещё дела... в столице там, в Ниххоне. Я, пожалуй, подожду/помедлю пока.

— Ай, сокол, улетишь и не вернёшься! Мальва, когда ты наиграешься, отдашь его?

— Когда наиграюсь, отдам, — буркнула я, злясь на себя за то, что мне очень нравилось стоять в его объятиях. — Я не жадная.

— Мяса сегодня не принесла, — грустно вздохнула русалка. — Ну и о чем с тобой разговаривать? Пойду я. До встречи, цветочек. Прощай, сокол.

Я облегченно выдохнула, радуясь, что Рене такая отходчивая. А могла бы нас обоих тут прикопать! Чем я только думала? Перевела взгляд на губы Кея и вспомнила, чем.

Мы стояли так близко, как никогда и ни с кем я не бывала. Его руки уверенно прижимали меня к себе. Мои пальцы лежали на его шее. Я запрокинула голову, заглядывая в глаза мужчины и вздрогнула. Они больше не были золотыми. Зрачок почернел и расширился, ноздри безупречного носа вздрагивали.

Я вытянулась струной, поднимаясь на носочки и тянясь к его рту, как цветок к солнцу. Ещё мгновение, и наши губы соприкоснутся!

Но в тот самый миг, когда я уже поймала его дыхание, Кей разомкнул объятия и сделал шаг назад.

— Благодарю за урок, Хозяйка. Я понял. Ты действительно можешь меня не просто убить, а сделать так, чтобы тело никогда не нашли. Многие ли мужчины сгинули в твоём лесу?

— Будешь болтать, станешь первым, — обиженно буркнула я и быстро пошла по тропинке к калитке. Про плавную и неспешную походку даже не вспомнила.

13. Песочный замок

Весь мой привычный, налаженный мир начал рассыпаться, как песочный замок. Подумать только, до появления в саду Кея я была уверена, что все делаю правильно. Что жизнь моя именно такая, о которой я мечтала.

Теперь я сомневалась во всем. Мэйгут, оказывается, имеет какие-то свои мысли о будущем. Почему же она всегда со мной соглашалась? Ни разу не возразила, наоборот, я думала, она довольна своими перспективами. Охотно училась, с удовольствием танцевала в чайных домах, зная, что зрители-мужчины оценивают ее и ждут, когда сей плод созреет. На самом деле у меня уже был целый список желающих получить ее благосклонность.

Нет, на всех этих людей мне плевать, я охотно сожгу бумаги в печке. Пусть ищут себе другое развлечение. И даже на репутацию плевать, если Мэй будет моей неудачей, это неважно. Главное, чтобы она была счастлива.

Кажется, пришло время остановиться и подумать, все ли я делаю правильно. Двадцать лет моей целью было вырастить и выучить воспитанниц так, чтобы они были успешны, богаты и почитаемы. А ведь это не главное в жизни. Богатство не сделает тебя счастливой, хотя, несомненно, будет очень стараться. А банковские чеки не вытрут слёзы и не обнимут. Ситуация с Норизэ очень ясно это показала.

И тут я поняла ещё одну вещь, гораздо более неприятную. Мне не с кем ни посоветоваться, ни обсудить ситуацию. Двадцать лет мне никто был не нужен, я все решала сама. Теперь же мне впервые захотелось поговорить... а друзей у меня нет.

Рене — фэйри, ей вообще моих проблем не понять. Матушка Ши сильно меня старше, к тому же ильхонка. У неё совершенно другой взгляд на жизнь. С учителями я старалась не сближаться, чтобы никто не смог воспользоваться моей дружбой для своих целей. Они — наемные работники. Я — их хозяйка. В ильхонской иерархии я гораздо выше.

Оставался, пожалуй, только Тайхан. Хотя он ещё молод, была в нем какая-то ироничная мудрость. Я любила этого мальчишку. Просто его невозможно было не любить.

Где его искать, я знала. Как и все оборотни, он в свою каморку приходил только ночевать, а днём шатался в закрытой части сада, иногда оборачиваясь могучим рыжеватым волком и пугая молодых учительниц. В беседке возле небольшого пруда с лотосами у него была настоящая берлога, с покрывалами, подушками и даже деревянной посудой. Что уж он из неё ел, я не знаю. Надеюсь, не карпов из пруда. Впрочем, если и их, то поголовье рыб осталось удовлетворительным.

Сын, действительно, был в своём убежище и, к счастью, один. Завидев меня, он дернулся и быстро спрятал под покрывало какую-то книгу. Что ж, я надеюсь, что это альбом с фотографическими карточками куртизанок, а не спра-

вочник пород собак. Сделала вид, что не заметила его жеста и покрасневших щёк, просто опустила на подушку рядом.

— Лея матушка, я в чем-то провинился?

— Вот уж не знаю, я пришла поговорить.

— Да? Странная ты в последние дни. Что ж, говори.

— Чего ты хочешь от жизни, Тайхан?

Юноша вытаращил на меня чёрные глаза и недоверчиво переспросил:

— Тебе интересно, чего Я хочу?!

— Ну да. Тебе через несколько месяцев двадцать. Что будешь делать?

— То есть это я должен решать? А у тебя разве нет плана на мою оставшуюся жизнь? Ах, точно, я же мальчик, у меня есть право выбора!

Прозвучало неприятно.

— Ты сейчас о Мэй?

— Ага.

— Ты с ней разговаривал?

— А ты?

— Нет.

— Она, вообще-то, твоя дочь. И ей тоже иногда нужна мать.

— Наверное, матери из меня не вышло, — горестно призналась я. — Я не мать, я скульптор.

— В случае с Мэй — гончар. Ты не отрезаешь от целого. Ты сминаешь и лепишь то, что считаешь нужным.

— Это плохо?

— Для Мэй — да. Она изо всех сил пытается заслужить твою любовь и внимание, а ты относишься к ней, как к остальным ученицам. Иногда даже хуже: демонстрируешь на ней, какая ты строгая и беспристрастная. Даже безжалостная.

— Я не умею по-другому.

— Все ты умеешь. Мне прощалась любая шалость, любая глупость. Мэйгут не прощало ничего и никогда.

— Это потому, что ты оборотень, — задумчиво сказала я. — Во-первых, ты не глина и не мрамор, и даже не кусок дерева. Ты булыжник. Ничего не сделать. А во-вторых... нет в тебе никаких талантов.

— Ну спасибо, матушка! Похвалила так похвалила!

— Нет, смотри. Тем, кто никакой, обычный, гораздо проще. Вон из Лейзи ничего толкового не выйдет, можно и не пытаться. Садовницей будет, цветы выращивать. Поэтому ее никто не будет дрессировать. Никаких боевых искусств, никаких танцев до боли в спине, ей не нужно ничего, кроме умения читать, писать и считать. Ну, научу ее букеты составлять, и достаточно. К Ираки требований намного больше. Она должна быть сильной, ловкой и смелой. И уметь многое... слишком многое. А Мэйгут... она прекрасна, понимаешь? Она создана для того, чтобы кружить головы мужчинам, чтобы быть их госпожой, их императрицей. Из-за таких, как она, раньше развязывались войны. Если она станет куртизанкой, весь Ильхонн падет к ее ногам.

— А ты сама хотела бы быть куртизанкой? — беспощадно спросил Тайхан.

— Никогда.

— Тогда зачем ее заставляешь?

— Она была не против.

— Конечно. Она никогда тебе не возразит.

— А чего она хочет на самом деле? — догадалась задать вопрос я.

— Вот у неё и спроси. Я не из тех, кто говорит за других. И так сказал много лишнего.

— Видимо, так и нужно поступить, — кивнула я. — Можно ещё вопрос, Тай? Интимный?

— Валяй.

— Вы с Мэй... вы пара?

— Рехнулась? Она — моя сестра! Ты как вообще подумать могла?

— А... ты с кем-то из Сада...

— Ну я все же оборотень-волк, а не енот-монах. Не переживай, девочек не трогал. Но Нориз, вообще-то, первая начала.

— Лея Нориз? — изумилась я. — Ты погляди, а с виду такая скромница!

— Скромницы — они знаешь какие? Не знаешь. И не нужно тебе знать, иди уже. Время к ужину. И не забудь дать Кею учебники, чтобы он подготовился к завтрашним урокам.

Иногда мне кажется, что Тай старше меня на добрый десяток лет. А ещё я не могу не думать, кем бы он мог стать. Воин из него посредственный, махать руками, ногами и мечом может, реакция у него отменная, но я знаю, что он слишком добр для того, чтобы всерьёз причинить кому-то вред. Да он даже ядовитую гусеницу на дорожке подцепит палочкой и отнесёт в траву! С математикой и каллиграфией дела у него и вовсе не сложились. Считать он, конечно, умеет, но часто ошибается. Не быть ему ни писарем, ни счетоводом, ни, уж тем более, инженером. Стало быть, все военные и технические профессии ему неподвластны. Актёр? Возможно. Он неплохо лицедеит. Переводчик? Тоже возможно. Уж языки я в его голову впихнула, хоть и пришлось очень постараться.

Ужасно интересно все же, что из этого воченка выйдет. А может, он и вовсе бросит все и уйдёт жить в Дивный Лес? Мужчинам в этом мире жить гораздо проще, у них всегда есть выбор.

В отличие от нас, женщин.

Хотя некоторые, конечно, совсем не ценят доброго отношения и относительной свободы, соблазняя сыновей хозяйки и требуя отпуска, не отработав и полгода.

Мне все же придётся вести уроки у старших учениц. Отправлять к ним Кея — все равно, что пускать дрозда в малинник. Что не съест, то поклюёт. Или его... заклюют. Пусть попробует вести уроки у младших, очень мне интересно на это посмотреть.

Я забрала из кабинета учебники и отправилась в конюшню.

Кей нагло спал, даже не заботясь о том, что теперь ему придётся работать. Вот бездельник! А как благородно он кричал о том, что заменит лею Нориз!

Не удержалась, пихнула его ногой, с удовольствием наблюдая воина во всей красе. Перед моим носом, словно молния, сверкнула короткая катана. Я и моргнуть не успела, как он уже возвышался надо мной, прищурившись и сжав губы в узкую полоску. Хорош, скотина, конечно, вон как зло сияют его волчьи глаза!

— Ты с ума сошла, лея? — зарычал он. — Никогда ко мне не подкрадывайся!

— Паршивый из тебя воин, — не удержалась от насмешки я. — Я топала как

конь, пока шла сюда.

Кей растеряно подергал себя за короткую прядь волос и спрятал катану под одеяло, брошенное на сено.

— Или ты прилетела бесшумно, как воробышек, или я слишком расслабился тут и чувствую себя в полной безопасности.

— Скорее первое. Ты забыл, что вызвался вести уроки? Сразу после завтрака потрудись явиться в учебный класс номер один. Вот тебе книги. Вот эти задачи нужно объяснить и решить с девочками.

Он уткнулся в учебник, пролистал пару страниц и обиженно заявил:

— Это для малышей!

— Для младших учениц, — поправила его я. — Не забывай, что у меня девочки. Это мальчиков учат считать с пелёнок, а девочки просто красивые. Ни одна из моих учениц не умела даже читать, когда появилась в школе.

— М-да, никогда не думал, что все так грустно в Ильхонне, — вздохнул Кей. — А ещё мы что-то рассказываем про технический прогресс!

— Ага, прогресс, — фыркнула я. — Вы тут катанами машете и на лошади скачете, а в Ранолевсе давно огнестрельное оружие есть и общественный транспорт. А еще в газетах пишут, что скоро самоходные повозки появятся и даже летательные шары для пассажирских перевозок.

— И что? — пожал плечами Кей. — Шары и у нас есть. А что до оружия... ну извините. Ты разве не знаешь, что на Островах оно просто не стреляет? Ни на Ильхонских, ни на Ильменских. Забавно: порох есть, селитра есть. Фейерверки прекрасно запускаются. А оружие не стреляет. Тут какая-то особая магия... Возможно, когда фэйри уйдут с Островов, все будет по-другому, но пока мы ходим с катанами и, честное слово, я нисколько об этом не жалею.

— Никуда фэйри не уйдут, — сказала я. — Они внутри вас. Чистых людей остаётся все меньше. В каждом пятом есть кровь фэйри.

— Во мне нет.

— Врешь. Ты не простой человек.

— Не простой, — признал он. — Но и не фэйри. Мои предки родом с Ниххона.

— Ты ёкай?

— Нет, — засмеялся он. — Забудь. Все равно не угадаешь. Кстати, а где учебник для старших учениц?

— Я проведу уроки с ними сама.

— Почему? Думаешь, не справлюсь?

— Не хочу пускать дрозда в малинник, — снова вспомнила любимую поговорку я.

Кей поглядел на меня очень внимательно.

— За меня опасаешься или за них? Как считаешь, кто кого будет соблазнять?

— Они, конечно. Боюсь, после пары уроков с моими девочками ты начнёшь заикаться. А может, даже в монастырь уйдёшь.

— Разве что в женский.

— Нет, для послушницы ты слишком высок. Не примут.

— А я учителем математики пойду. Или счетоводом. Ты просто не представляешь, какой я умный и замечательный учитель.

Он оказался прав. Урок, проведённый Кеем, был очень интересен и поня-

тен даже Лейзи, которая совсем не знала математику. На примерах же, приведённых Кейташи, считать, кажется, научилась бы даже Цийлин. Можно сказать, с учителем мне повезло. Возникло даже острое искушение все же допустить его до старших учениц, но, подумав, я отказалась от этой мысли. В доме, где мужчина — не просто редкий гость, а существо почти мифическое (Тайхан не в счёт, он для девочек почти подружка), лучше не рисковать. Зачем мне слёзы, распри и ревность? Будут драки и скандалы. Девочки порой не могут поделить отрез шелка или даже полотенце в бане, а тут целый живой мужчина весьма привлекательной наружности. К тому же — учитель.

Я все ещё помнила годы своей юности. Мы влюблялись в учителей, даже если они были лысыми и с бородавкой на носу. Магия какая-то! А уж был бы у нас такой наставник, как Кейташи... Страшно представить, что бы могло случиться. Поэтому я его даже слушателем на урок не пустила, нечего. Пусть сидит себе в конюшне в обнимку с Цийлин и не высовывается лишний раз.

14. Мэйгут

Мэйгут меня избегала. Утром я просыпалась — ее уже не было. Вечером приходила — она спала или притворялась так старательно, что я не решалась ее будить. Глупо, я тоже отчаянно боялась разговора с ней. Слишком много я делала неправильно, совершила столько ошибок, упустила время. Заботясь о чужих детях, я потеряла дочь.

Что можно сказать в своё оправдание? Что я была молода и глупа? Так ведь, кажется, я до сих пор не поумнела. Она — нежеланный ребёнок, испортивший мне жизнь? Теперь можно сказать, что все было к лучшему. Вряд ли я жила бы так спокойно и свободно, выйдя замуж за Ивгена. Жена должна быть послушна мужу. И реши вдруг он продать Дивный Сад и вернуться в Ранолевс, я не имела бы права возразить. Таковы местные законы. И я совсем не уверена, что бывший мой жених не воспользовался бы этой лазейкой.

Школа и сад стоили очень приличных денег. Ивген мог бы приплыть на родину состоятельным человеком, купить там дом и открыть своё дело. Моя непонятная беременность оскорбила его, и я осталась одна. Жалею ли я сейчас об этом? Ничуть. Тогда откуда эта неприязнь к дочери? Только ли потому, что она — фэйри? А может, я просто ей завидую? Красоте, молодости, талантам? Я никогда не научусь танцевать, как она, петь, как она, играть на музыкальных инструментах. Да у меня вообще слуха нет! И красоты такой нет...

И все же я ее люблю, просто любовь у меня такая вот странная. Я забыла, что матери обнимают своих детей. Забыла, что они сидят у постелек, когда их чадо болеет. С младенчества матушка Ши делала это за меня, пока я вела уроки и училась управляться с домом и садом. А потом, когда дела пошли в гору и я смогла нанять несколько учителей, стало поздно. Мэйгут выросла и больше не нуждалась в объятиях.

Не сказать, чтобы я об этом переживала раньше. Моя задача была почти выполнена: я принесла ребенка в этот мир, я обеспечила ей успешное будущее без нужды, у нее всегда будет кусок хлеба, причем на золотой тарелке — разве этого мало? Любовь? Она же фэйри. Ей не нужна любовь.

Мэй с самого рождения была холодна и спокойна. Не закатывала истерик, не плакала, не лезла обниматься, как Тайхан, тот-то вообще с рук не слезал. Дочь была совершенно беспроблемным ребенком, я порой даже забывала, что

она совсем малютка, и общалась с ней, как со взрослой. Разговаривала, что-то рассказывала, порой даже советовалась. Это у Тая было полно всяких мальчишечьих забав, это Таю покупались игрушки, которые он, прочем, молниеносно ломал, а Мэйгут часами могла сидеть в траве, внимательно разглядывая бабочек или муравьев, а потом, тихо напевая, играть куколками из одуванчиков. Длинную мясистую ножку этого весеннего желтого цветка можно разделить на полоски, которые потом окунуть в воду — и получатся “кудри”. Вставить палочку в цветок — это ноги. Желтое соцветие — платье. И куколок таких можно сделать сколько угодно, а под кустом из щепочек и лопухов построить им настоящий дом.

Честно говоря, это я ее научила. В интернате у нас не было игрушек, откуда? Только книги, бумага, карандаши, тушь, занятия... Мы играли как умели. В Ранолевсе, на севере, где я выросла, недолгая весна. Одуванчики там цветут всего недели три и обычно безжалостно вырываются, как сорняки. Да и много ли у нас было времени для игр?

Памятуя о своем детстве, не всегда безоблачном, я стремилась к тому, чтобы дочь ни в чем не нуждалась... забывая, вернее, упорно игнорируя тот факт, что больше всего ребёнку нужны не наряды, яркие краски или зонтики от солнца, а внимание и объятия матери.

Только сейчас я начала понимать, что наделала. Я сама вырастила из неё монстра, фэйри. Видела в ней своего мучителя и не могла перешагнуть через отвращение и страх. И наказывала ее вместо него: раз уж он — обольститель, вот пусть и обольщает. Пусть этим постыдным делом живет, пусть наслаждается и помнит о своей грешной сути всегда.

А чего хочет сама Мэй?

Меня все больше мучила совесть, в голову лезли навязчивые мысли. Откуда они взялись? Последние пятнадцать лет я жила, ни разу не усомнившись ни в чем. Все мои решения были правильны, все поступки благи. Не было ни слёз, ни смеха, ни горя, ни радости, ни болезни, ни каких-то прочих переживаний, только ледяное спокойствие и абсолютная тишина внутри. Из равновесия меня удавалось вывести только озорнику Тайхану, наверное, именно поэтому я его больше всех в мире и любила. Не как сына, а, скорее, как младшего брата.

Мне казалось всегда, что такое состояние души и тела — это благословение. Сейчас же я ощущала, что словно начала выздоравливать от чего-то странного, страшного. Впервые за много лет увидела красоту мира вокруг, впервые почувствовала угрызения совести, впервые разозлилась, да так, что долго не могла успокоиться. Что дальше? Начну реветь в подушку? Или, может быть, шутить с ученицами? Какой кошмар! И... кажется, я все же живая.

Нетрудно мне, некогда учительнице математики, разобраться с этим простым уравнением. Перемены начались в тот момент, когда, прикоснувшись к раненому чужаку, я почувствовала что-то отличное от вечного равнодушия. Вместо того, чтобы с ясной и холодной головой решить эту неожиданную проблему, я разглядела в нем мужчину, и мужчину привлекательного. И с каждой нашей встречей я интересовалась им все больше.

Нет смысла отрицать: Кейташи на редкость хорош собой. И умён. И есть в нем это почти животное обаяние, перед которым мало кто может устоять. Частичка фэйри? Не знаю. Может быть, это его человеческая сущность такова?

Или просто — молодость и задор? Или меня привлекает то, что я навсегда потеряла: беспечность юности, умение радоваться простым вещам, любовь к этому восхитительному миру?

А ещё он — Кио. А задача получения гражданства Ильхонна встаёт передо мной вновь. Теперь — ради Мэйгут.

Она-то родилась здесь. Хоть отец неизвестен, матушка Ши позаботилась о соответствующих документах. Мэйгут имеет право на все. Она может покупать и продавать дома, лавки и даже корабли, может торговать, может открывать своё дело. Может оставить завещание, может подавать прошения в мэрию. Может путешествовать по Ильхонну без ограничений.

Я же не могу почти ничего, чтобы выехать из Шейнара мне нужно оформить специальное разрешение с указанием причины. И школу я не могу ни продать, ни подарить, ни завещать дочери, могу ей только владеть в течение своей жизни. И банковский счёт у меня особенный, со многими ограничениями. Раньше меня это волновало мало, но в последние дни я начала тревожиться. И купила бы я для Тайхана дом в Шейнаре, а не могу. Оставить бы завещание — не имею право. А если Мэйгут покинет Шейнар, я и навестить ее не смогу, мне просто могут не позволить покинуть остров.

Между прочим, матушка Ши давно настаивала на получении гражданства, а я все тянула.

Ну и дотянулась. Тайхан скоро станет совершеннолетним, а Мэй... Кто знает, что там, в ее хорошенькой голове! Я свою-то голову привести в порядок не могу, что уж говорить про дочь!

И все же я дождалась ее: ночевать-то девочке было негде, кроме как в нашей общей спальне. И я очень постаралась не уснуть, несмотря на трудный день. Из-за отсутствия леи Номиз мне пришлось вести не только уроки языка, но и математики, да еще сидеть на уроках у младших и наблюдать за Кейташи, все больше с сожалением убеждаясь, что его нельзя даже подпускать к старшим. Они влюбятся в него поголовно. Уж очень он хорош, и даже не столько внешне (хотя и этого нельзя отрицать), а скорее — обаятелен невероятно, но не как фэйри, этаким колдовским флером, а своими улыбками и шуточками. Причем он нисколько не красовался, он действительно был таким. Мне казалось это странным и чуждым, но безумно привлекательным. Возникло смутное ощущение, что я сама когда-то была такой, легкой и счастливой.

Впрочем, наблюдение за Кио меня нисколько не взбодрило, скорее, даже наоборот. Я ощущала уколы зависти: сама-то я устала за эти дни невероятно. Работы прибавилось, а решение текущих вопросов с меня никто не снял. Все равно приходилось разбирать ссоры и распри, которые в доме, где жили почти сорок женщин разного возраста, случались несколько раз на дню, проверять привозимые ежедневно продукты, следить за уборкой на кухне и в комнатах, отвечать на письма и делать прочие совершенно необходимые, рутинные дела, на которые раньше я могла позволить себе отвести свободное утро... А теперь у меня этого утра не было. Добавим к этому тревожность, не покидавшую меня, раздражительность и муки совести — и любой поймет, что разговор с дочерью сразу же пошел совсем не так, как я планировала.

— Где ты была весь день? — строго спросила я Мэйгут.

— Училась. Как ты и хотела. Утром общие занятия, потом боевые искусства, потом танцы, потом рисовала закат, он нынче очень красив.

— Тебе надо больше отдыхать. Лицо бледное и глаза припухли.

— Если ты прикажешь, матушка. Какие занятия мне отменить?

— А какие ты хочешь? — задала коварный вопрос я, злясь на саму себя. Хотела ведь совсем о другом разговаривать!

— Больше всего я люблю рисование, но оно не так уж и нужно мне сейчас. Достаточно того, что мою розу можно отличить от тюльпана. А в музыке у меня все еще проскакивают фальшивые ноты, да и танцы я знаю не все...

— погоди, я не спрашивала, что у тебя получается, а что нет. Мне интересно, чего ты сама хочешь?

Мэйгут замолчала, сначала растерявшись, а потом вдруг гневно прищурил глаза. Забавно, этот взгляд я хорошо знала: много раз видела его в зеркале.

— А если я ничего не хочу? — зло спросила дочь. — Если я вообще не хочу учиться? Хочу проводить дни в праздности, валяться на траве и смотреть на облака? Что тогда?

— Не учишь, — пожалала плечами я. — В конце концов, тебе нет надобности работать. Ты мой единственный ребенок, рано или поздно школа останется тебе. Ты можешь ее продать и жить безбедно до самой старости.

— Учтывая твою вечную молодость, я умру раньше тебя, — буркнула Мэй, вдруг багровея. Как и у всех рыжих, кожа у нее краснела быстро и некрасиво, пятнами.

— Не должна, у тебя отец — чистокровный фэйри. А они, как известно, бессмертны. Но если ты хочешь, как только тебе исполнится двадцать, я могу купить тебе любую... ну, почти любую лавку. Или гостиницу. Или чайный дом. Правда, для этого мне придется-таки выправить эту проклятую бумагу о гражданстве, но я собираюсь заняться этим в ближайшее время.

— И зачем мне чайный дом?

— Это доход, который позволит тебе не голодать. Смею надеяться, что тебе хватит мозгов разумно управлять любым делом. В конце концов, образование у тебя уже лучше, чем у большинства женщин Ильхонна. Даже лучше, чем у меня.

— Ты так хочешь, чтобы я побыстрее ушла и не показывалась тебе на глаза?

— Нет, я хочу, чтобы у тебя был выбор, — я была настолько удивлена словам дочери, что даже не разозлилась, а надо было бы.

— Разве это выбор? — горько ответила Мэй. — Если мое сердце ничего этого не хочет?

— Так чего же ты хочешь, молчаливая? — уже почти закричала я. — Спрашиваю ведь, а ты только огрызаешься! Скажи уже!

— Я хочу стать лекарем, — сумела удивить меня дочь. — Я... у меня есть дар. Очень редкий и очень ценный. Я хочу помогать людям.

Приехали! Вот уж чего я не ждала от фэйри! Помогать людям, да в своем ли она уме? Это ведь...

— Я могу стать самым лучшим, самым известным в Ильхонне целителем. Передо мной склонится сам император.

Я тихо выдохнула набранный в грудь воздух. Все нормально, девочка не такая уж и сентиментальная дурочка, как я было подумала. Все же — моя дочь. Ну и Гарманиона этого проклятого, чтоб он тихо издох где-нибудь в своем лесу.

— У нас очень мало времени, — задумчиво сказала я. — Тебе осталось до совершеннолетия всего пять лет. Я найду тебе лучших учителей медицины, добуду любые книги. Привезу лекаря даже из Ниххона, если потребуется. Но будет сложно. Вначале все будут говорить — женщина, что она может, пусть принимает роды... Ты готова?

— Переоденусь мальчиком и пойду учеником к кому-нибудь, — пожала плечами дочь.

Я скептически на нее поглядела. Ну да, мечты-мечты. С ее-то внешностью! Это просто смешно! Но если она хочет... В конце концов, врач — это куда лучше куртизанки. Почетнее и надежнее. Красота — вещь хрупкая и имеет неприятное свойство растворяться со временем. А опыт и навыки лекаря с каждым годом все повышаются в цене. К тому же куртизанок достаточно, а вот про целителя с магическим даром я вообще не слышала. Осталось дело за малым: получить это гражданство.

Во сколько мне обойдется обучение дочери, я даже думать пока не хотела. Ничего, в крайнем случае возьму еще десяток учениц. Просто придется не по двое им жить в комнатах, а по трое.

15. Предприимчивость

После завтрака я разыскала матушку Ши в саду, среди ее любимых роз. Стоя на коленях, она бодро выдергивала из-под куста листья лопухов. Удивительно, как в ее возрасте у неё хватает на это сил!

— Матушка, мне нужен совет, — окликнула ее я.

Старушка подскочила, как мяч, приветливо мне улыбнулась, отчего все ее лицо сделалось как бы в складочку, и вытерла испачканные руки о подол чёрного халата. Я всегда ругаю девочек за такие жесты, но сейчас только улыбнулась.

— Моей деточке нужен совет? Ну и ну, я уже и забыла, когда она просила о помощи! Все сама, все сама, гордая, как алая роза!

Я смущенно опустила глаза. Она права. О помощи я просить не любила и не умела. Но сейчас я уже не справлялась со своими чувствами.

— Говори же, достопочтенная лея Мальва. Твоя глупая матушка слушает.

— Этот мужчина, Кейташи...

— Кио. Кейташи Кио.

— Он самый.

— Ну, ну?

— Он может помочь мне с гражданством.

— И как ты собралась его в этом убедить? Хотя, конечно, ты ему жизнь спасла... Ну, не ты, а Мэй... Надеюсь, этого достаточно.

— Я не уверена, — вздохнула я. Точнее, я была уверена... но планировала свою уверенность закрепить.

— Если честно, я тоже. Гражданство — это довольно серьезно. Одно дело — отблагодарить деньгами, и совсем другое — выправить тебе нужные документы. Для чего ему лишние проблемы?

— Да. И поэтому я хочу... В общем, я подумываю его соблазнить.

— Ради гражданства? — высоко вскинула тонкие брови старушка.

— Ну... он вызывает во мне неприличные желания и мечты.

Фух, я смогла. Я произнесла это вслух!

— Это прекрасно! — с энтузиазмом воскликнула лея Ши, даже в ладоши пару раз хлопнула. — Наконец-то! Так в чем же дело? Действуй!

— Я боюсь. Очень. И даже думаю, что проще его убить, — мрачно продолжила я. — И закопать тело в цветнике.

Матушка радостно закудаhtала.

— Дитя мое, все так серьезно? Ну так заведи его себе в постель, почему нет? И приятно, и для дела польза.

— А что мне там с ним делать? — придушенно спросила я. — Ну, в постели?

— Я полагаю, он тебе все подробно объяснит и покажет, что.

— Но...

— Милочка моя, сколько тебе лет?

— С-сорок.

— А сколько у тебя было мужчин? Настоящих? Живых? Ни одного, верно? Твоя женская энергия так долго спала, а теперь она проснулась. Тебе непременно нужен подходящий мужчина.

— Зачем?

— Глупая. Ты — бутон. А чтобы распуститься, нужен бережный полив и уход. Возьми себе Кейташи, и ты увидишь, как изменится твоя жизнь.

— Легко сказать «возьми», — проворчала я. — Попробуй его возьми... А что, если он высмеет меня? Прогонит? Обидит?

— Во-первых, не тому я тебя учила двадцать лет, чтобы какой-то проходец мог тебя обидеть. Во-вторых, земля под розами мягкая. Ну а в-третьих... не прогонит. Я достаточно хорошо знаю мужской род, этот ни за что не откажется. Скорее уж, тебе придется потом силой выставлять его из спальни.

Я задумалась. Опыта общения с мужчинами у меня не было никакого. Иногда мне казалось, что Кей смотрит на меня как-то... жадно, что ли. Но когда я оборачивалась, взгляд его всегда был пуст и равнодушен.

Как же мне дать ему понять, что я... что я... демоны и феи! Просто подойти и сказать: «Эй, приятель, жду тебя ночью в своей спальне?» Или, может быть, прийти самой? Раздеться и лечь к нему? Да нет, это глупо и опасно. Если бы кто-то посмел так войти ко мне, я б избила его до полусмерти. Ну и да, земля под кустами роз мягкая.

Как это делают нормальные женщины? Кокетничают? Намекают взглядами? Оставляют на столах мужчин букеты? Сомневаюсь, что он знаком с языком цветов. Мужчинам это не интересно.

Злая и нервная, я быстро шла по дорожке к дому. О, мне пришла в голову даже такая глупая мысль, как спросить совета у дочери. Уж у неё-то точно есть немало способов соблазнения. Природа такая. Но, к счастью, не успела.

Возле дома на лавочке сидел Кей и точил свою катану. А вокруг него толпились старшие ученицы, которым он с явным удовольствием рассказывал, как узнать качество оружия, как изготавливают мечи, и прочие вещи, которые никогда им не пригодятся в жизни. От его открытой улыбки, обращенной к девочкам, у меня в глазах потемнело. Мне он никогда так искренне не улыбался.

— Лей Кейташи, хорошо, что я вас нашла, — процедила сквозь зубы. — Прощу вас, на пару слов.

Видимо, на лице у меня было что-то такое... двор мгновенно опустел. Девочки исчезли, словно их тут и не было никогда.

— Лея Мальва, можете говорить прямо здесь, — он развёл руками, показывая, что мы теперь одни.

— Нет уж, позвольте мне переговорить с вами в другом месте.

— Я к вашим услугам.

Он поднялся и прошёл следом за мной в дом. Я громко стучала деревянными сандалиями по деревянному полу. Это было совершенно неприлично, я должна была оставить обувь на циновке возле входа, но мне было плевать. Этот гулкий звук как нельзя лучше соответствовал моему настроению. Тук-тук, тук-тук!

Я привела его в свою комнату, зная, что никто не посмеет нас тут потревожить. Остановилась, резко развернулась, так, что широкая юбка захрестнула бедра, и прорычала зло:

— Я запрещаю тебе находиться во дворе, слышишь? И со старшими ученицами разговаривать тоже. Только в присутствии учителей.

Я ожидала гнева, возмущений, оправданий в конце концов, но не тихого и насмешливого:

— Да ты ревнуешь!

— Что? Нет!

— Да, — он сделал широкий шаг ко мне, я невольно попятилась.

— Нет!

— Да, — ещё шаг, и я упираюсь поясницей в подоконник. Отступить больше некуда.

— Нет! — я уже шепчу, невольно облизывая разом пересохшие губы и заглядывая в почерневшие глаза мужчины.

— Нет? — его лицо так близко, что можно пересчитать волоски в бровях.

— Да, — признаю я поражение. Конечно, ревную, это даже не обсуждается!

Твёрдые губы на моих губах, горячий влажный язык, дерзко проникающий в рот, руки, прижимающие меня так яростно, словно Кей боится, что я его остановлю. Нет, не смогу. Это безумие, но я так хочу, чтобы оно не заканчивалось!

— Ненавижу твою одежду, — шипит ильхонец, путаясь в завязках блузки. — Сложная, — и блузка трещит, расползаясь под его пальцами.

С юбкой ещё сложнее. У неё пояс на мелких крючках. Чтобы не лишиться ещё и этого предмета гардероба, я отталкиваю его руки и сама расстегиваю пояс.

— Оу!

Ну да, панталоны и корсаж, а он чего ожидал? Что я под юбкой щеголяю голым задом?

Ну, а сам-то он планирует раздеваться? Или даёт мне время передумать и сбежать? Я уже почти начала паниковать, ещё мгновение, и...

— Да? — снова спрашивает он моего разрешения.

— Да, — твёрдо отвечаю я, хотя очень хочется сказать «нет».

Он разоблачился молниеносно. Скинул и куртку, и штаны, оставшись совершенно обнаженным. Смуглым, гладким и длинным. Но разглядеть все его достоинства я не успела. Миг — и пол уходит из-под ног, нервный вздох — и я уже падаю в постель, а он — рядом. Горячий, такой обжигающе горячий! Твёрдые пальцы сдергивают с меня белье (корсаж я точно потеряла, ну и бес с ним), огненные губы прижимаются к груди. Ноги раскинуты, тело беспомощ-

но трепещет. Я вдруг ощущаю себя лютней, а его — музыкантом, перебирающим струны. Я — музыка. Я — дождь, я аромат цветов после грозы.

Кей что-то шепчет, прикасаясь ко мне с нежностью и благоговением, но у меня в ушах шумит, и я ничего не могу понять. В какой момент мы слились воедино? Не знаю, не помню. Только это восхитительное чувство наполненности, только его плечи под пальцами, только тяжелое сбитое дыхание возле уха и жалобный стон, сорвавшийся с моих уст.

— Невозможная, невыносимая... — разбираю я его шёпот. — Невыносимо прекрасная. Как долго я мечтал...

Не хочу слов, они смущают, хочу его губы, его руки, его твёрдость и эти сильные движения бёдер, от которых мир вокруг взрывается новогодним фейерверком.

И все же он демон, не такой, как Гарманион, но тоже — не человек. Думается мне, что человек никогда не смог бы пробить тот ледяной панцирь, который заковал мое сердце много лет назад. А теперь я бьюсь в руках Кея и сотрясаюсь в рыданиях, не в силах остановиться. Он, напуганный и обескураженный, укачивает меня, словно младенца, целует в волосы и гладит по плечам.

Я не плакала пятнадцать лет, а сейчас у меня настоящая истерика. Почему? Не понимаю, но успокоиться никак не могу.

И все же слёзы не могут длиться бесконечно, и всхлипы становятся все реже, и дрожь проходит.

— Вот и славно, — шепчет Кей. — Успокоилась? Я был настолько отвратителен? Сделал тебе больно?

— Нет, мне было хорошо, — хрипло отвечаю я. — Очень.

— Тогда откуда слёзы?

— Не знаю. Все, проваливай.

— Вот как? Что, больше не нужен?

— Именно так. Удовлетворил свою... похоть? Теперь уходи.

— Как мы интересно заговорили... — Кей столкнул меня с колен и поднялся. — Как будто ты хотела этого меньше, чем я!

— А ты хотел? — спрашиваю я, пряча лицо, явно опухшее от слез. Скорее бы он ушёл, не хочу, чтобы видел меня такой: красной, уродливой и лохматой!

— А ты не видела? Очень хотел. И все ещё хочу. Может быть, я все же останусь?

От его слов мне становится намного легче, но я все равно отказываюсь.

— Проваливай. Не хочу тебя больше видеть.

— Ну-ну. Ты знаешь, где я сплю. На конюшне. Захочешь ещё — приходи.

— И многих в школе ты уже туда звал? — а вот этого говорить не стоило, прозвучало обиженно и вовсе не равнодушно.

— Спроси лучше, многих ли я прогонял прочь, — теперь Кей откровенно смеётся. — Твои цветочки порой бывают очень настырны. Где мой пояс? Ах, да, вот он. Тут ведь есть другой выход? Чтобы не идти через весь дом? Не хочу, чтобы сплетни пошли.

— Окно, — коротко отвечаю я, на миг отнимая от лица подушку и бросая на него быстрый взгляд.

Он уже полностью одет, только бос. Ну да, свои сандалии он сбросил у входа.

— Окно — это хорошо, — весело кивает ильхонец, ловко запрыгивает на

подоконник, а потом исчезает в зелени сада.

А я поднимаюсь с постели, прислушиваюсь к своему сытому и довольному телу и с ужасом понимаю, что никто из нас не позаботился о предохранении. Только ещё одного ребёнка мне сейчас и не хватало! Я его убью. Кея, разумеется, не ребёнка. И закопаю в розовых кустах. Нет, скормлю заживо Рене, ей понравится.

А лекаря у нас тут нет, лекарь только в городе. Придется ехать туда. Как не вовремя все это!

И главное, как мне вообще теперь намекнуть Кею о гражданстве?

16. Выбор и его последствия

Поездку в город решила не откладывать, позвала Тайхана, который явно был удивлен, зачем нам нужно в город, если мы недавно там были. Но сопротивляться не стал, пожал плечами и снарядил повозку. В этот раз я надела шляпу и даже взяла зонтик и веер — почему-то мне было жарко, даже душно. Наверное, пора прекращать думать о том, что случилось утром, потому что щеки покраснели от одного только воспоминания.

Тайхан спокойно правил, думая о чем-то своем, а я с ужасом представляла, что будет, если я все же забеременела. Еще один ребенок? Да зачем он мне? Что я буду с ним делать? Родить и, торжественно обвязав ленточкой, вручить отцу? Будет забавно. Представила изумленное лицо Кейташи, захихикала.

Тай даже не оглянулся. О чем же он сейчас думает, если вообще не замечает ничего вокруг? Спрашивать не стала, знаю, что все равно не скажет. Отшутится, переведет разговор... Оборотень. Умеет уходить от нежеланных разговоров и неприятных людей. Все равно не человек, даже если с людьми воспитывался. Чужак.

Мы с ним оба чужаки. Я гюйдо, он оборотень. Отлично.

— Поворачивай к дому сэя Никэ (*сэй — особое обращение к лекарю. Лекари в Ильхонне особо почитаемы).

— Ты больна, матушка? — наконец, ожил Тайхан.

— Нет. У меня пара вопросов.

— По поводу Кея? Думаю, что не стоит...

— Нет. Хочу найти учителя для Мэйгут, — быстро придумала я.

— А! Ясно.

Успокоился, снова ушел в свои раздумья. Остановил повозку возле скромного одноэтажного домика с высокой зеленой крышей, на которой была установлена фигурка журавля. Эту птицу позволяли ставить только к домам особо почтенных людей. Сэй Никэ был одним из них. Он, кстати, у меня роды принимал когда-то. Я отчаянно боялась родить чудовище и поэтому буквально силой притащила беднягу в Дивный Сад. Ничего, мы потом вполне подружились.

Меня здесь знали хорошо, платила я за услуги неизменно щедро, по ерунде не обращалась, поэтому лея Дано, почтенная супруга лекаря, немедленно провела меня в гостиную, несмотря на то, что сэй Никэ сегодня никого не принимал. Он вообще предпочитал приходить к своим пациентам лично, в дом пускали не каждого. Но меня пустили и даже налили чая.

На мою удачу, услуги лекаря сегодня понадобились только мне. Это и неудивительно: ильхонцы — практически всегда здоровые люди. К тому же

услуги этого лекаря стоили весьма дорого, и по мелочам, вроде ангины или сломанной конечности, его не вызывали. Для простых случаев есть гораздо более знающие доктора. Вот когда они не знают, как лечить, или выписанные ими процедуры не помогают — тогда зовут сэя Никэ.

Ну а я сразу предпочитала обращаться к высококлассным специалистам. Хотя на самый крайний случай у меня еще была Рене.

Сэй Никэ вовсе не старичок, как можно подумать из его репутации. Это довольно высокий и весьма привлекательный мужчина. Ему едва минуло пятьдесят, для ильхонцев это даже не период увядания. Скорее уж, самый пик зрелости. К тому же стройное телосложение, длинные черные волосы с белыми прядями, ровный цвет лица (сэй Никэ бережет себя, всегда надевая шляпу в жаркий день) и весьма злое чувство юмора его только молодят. Хм, если он возьмет в ученицы Мэйгут... это будет даже забавно. Она его в ехидстве может и переплюнуть. К тому же я ему могла доверить честь своей дочери — он вообще был первым человеком, кто взял ее на руки.

— Моя любимая пациентка! — радостно провозгласил сэй Никэ, появляясь в дверях и картинно расправляя плечи. Посмотреть было на что: он был в незапахнутой рубашке без рукавов и широких домашних штанах. Гладкая мускулистая грудь и сильные руки и вправду были красивыми. Я оглядела его с явным удовольствием, но не забывала, что жена у него, вообще-то, наполовину оборотень. И запросто отгрызет голову любому, кто попробует покуситься на ее пару. Смотреть можно, трогать нельзя. Ну мне и не хотелось никогда.

— Сэй Никэ, я сразу по двум вопросам.

— Рассказывай, лея.

— Мне нужен амулет от беременности, — не стала тянуть я. Чего уж перед врачом юлить? Конечно, нормальный воспитанный ильхонец сначала бы полчаса вел изысканную беседу, интересуясь делами самого доктора, но в данной ситуации время — деньги, как любили говорить у нас в Ранолевсе.

— Я тебе давно говорил, что твои старшие ученицы... порой бывают очень настойчивы, — мягко улыбнулся сэй Никэ, опускаясь на кресло и протягивая руку к чашке. Его супруга, которая вовсе не собиралась оставлять мужа наедине со мной (к этому я тоже давно привыкла) тут же налила ему чай. — Хотя правильнее было бы надеть этот амулет на Тайхана.

— Нет, не для учениц, — тоскливо вздохнула я. — Для меня.

— Великие журавли, — округлил глаза Никэ. — Кого ты нашла? Ох, прости, это не мое дело.

— Не твое, — согласилась я. — Так уж вышло, что я провела ночь... ну, в смысле, утро... демоны, не важно. Я была с мужчиной, теперь я волнуюсь... и мне нужен амулет на будущее.

— Я, пожалуй, вас оставляю, — мягко пропела лея Дано. — К чему мне слушать разговоры врача и пациента?

Мы проводили ее озадаченными взглядами. А раньше она никогда не покидала комнаты, когда я приходила. И даже в Дивный сад приезжала вместе с мужем.

Сэй Никэ откашлялся и поглядел на меня чуть виновато.

— Ты уверена, что уже не беременна? — прямо спросил он. — У тебя в первый раз было... быстро.

— Нет, не уверена. Поэтому и приехала.

— Сколько прошло времени? — оживился лекарь. — Сейчас мы все узнаем. Только ведь я роды больше не принимаю... Но ради тебя, возможно, сделаю исключение.

Глаза его заблестели, и я поняла, что очень скоро весь Шейнар будет угадывать имя моего любовника. Ильхонцы — ужасные сплетники, а уж доктор всегда знает больше других. Навряд ли ему следует знать про Кейташи, пусть себе гадают.

— Прошло меньше одного дня, — сообщила я таинственно.

— Рано, — вздохнул лекарь. — Можно точно сказать не раньше, чем через неделю. Приезжай позже. А амулет я тебе дам, может, и пригодится. Но ты говорила про два дела?

— Да. Второе даже серьезнее, чем первое. У Мэй открылся дар целителя, — не стала уточнять, что он года три как открылся, это не столь и важно. — И она твердо намеревается изучать медицину. Посоветуй мне книги и учителя на первое время.

— Насколько сильный дар? — сэй Никэ весьма оживился, весь подобрался и хищно засверкал глазами. — Я ждал этого много лет! Правда, по моим подсчетам, дар должен был явить себя лет в тринадцать, а ей почти шестнадцать, верно? Ну так она только наполовину фэйри, зато ее отец — один из сильнейших!

Я растерянно смотрела на него:

— Ты ждал?

— Милейшая моя лея Мальва, я на это очень надеялся! Разумеется, я буду учить ее сам! Книги сейчас найду, пусть пока начинает изучать. Приезжать буду три раза в неделю. Потом, когда Мэй исполнится двадцать, она начнет ходить к больным вместе со мной, а если ты позволишь, то и раньше. Так насколько сильна ее магия? Она умеет уже останавливать кровь? Срачивать мягкие ткани?

Я вздохнула, прямо поглядев в радостное лицо лекаря. Вот не хотелось говорить, но, видимо, придется. Иначе как он назначит цену за учебу?

— Это секрет, сэй Никэ. Обещай мне...

— Я буду молчать как камень, — мгновенно стал серьезным мужчина. — Клянусь.

Что ж, его клятве можно верить. Он сохранил в тайне вопрос отцовства Мэйгут, даже жене своей не сказал.

— Мэй может срастить кости и заделать дыру в легком.

Некоторое время лекарь молчал с каменным лицом, а потом очень осторожно сказал:

— Я даже знать не хочу, какой ценой ты об этом узнала. Но дар очень велик. Кто ее учил? Она не могла сама... тут мало одного дара.

— Русалка, — вздохнула я. — В смысле, мэйренни-айдро.

— А где ты нашла мэйренни-айдро? А, я понял, Дивный Лес?

— Да. Она — сестра Гарманиона.

Сэй Никэ несколько раз шумно втянул воздух носом. Руки у него заметно дрожали. Я с любопытством наблюдала за всегда сдержанным мужчиной: чего это он так разволновался?

— Да ты понимаешь, какое сокровище твоя Мэйгут? — наконец, выкрикнул он и нервно опрокинул в себя чашку чая. — А ты ее... а ты ее на кого учила?

Великие Журавли, мы с этой девочкой завоюем весь мир! Дар такой силы, да еще природный учитель! Невероятное везение!

— Сколько? — прямо спросила я, догадываясь, что цена растет с каждой минутой и с каждым моим словом.

— Двести рюпов.

— Сколько? — поперхнулась я. Мои учителя обходились мне вдвое дешевле.

— Мало? Ну да, такой дар. Триста? Триста пятьдесят, больше не дам. И только тогда, когда Мэй будет моей помощницей.

— А обучение? — спросила я, все еще не понимая.

— Книги я достану, а вот за консультации известных учителей придется платить, — озабоченно покачал головой сэй Никэ. — Справедливо будет разделить расходы пополам. И некоторые книги можно найти только в императорской библиотеке. Кажется, у тебя несколько учениц при дворе? Сможешь мне дать рекомендательные письма? Я немедленно поеду и закажу копии. Или хотя бы выучу то, что мне удастся прочитать.

* * *

Я вышла из дома сэй Никэ с противозачаточным амулетом (специальной серьгой в ухе), переполненная чаем и с гудящей головой. Кстати, амулет достался мне бесплатно, на вопрос о стоимости лекарь просто от меня отмахнулся, явно мысленно уже пребывая в императорской библиотеке. Великие Журавли, да он мне целый час пытался рассказать об открывающихся перед ним перспективах: вместе с Мэй он сможет не просто лечить людей, он сможет их резать! Операции в Ильхонне были крайне редки, ведь если больного можно было усыпить определенными снадобьями и тем самым уберечь его от болевого шока, то возможная лихорадка могла свести на нет самые успешные манипуляции с внутренними органами. Да и многое лекарь вылечить просто не в состоянии: неправильное строение сердца, к примеру, или же опухоли. Меня его энтузиазм скорее пугал, я понятия не имею, готова ли к этому Мэйгут, но перебивать почтенного лекаря я не решилась. Хорошо еще, лея Дано спасла меня, вежливо, но непреклонно выпроводив из дома.

— Успешно? — спросил заспанный Тайхан. — Что он сказал?

Я поглубже натянула шляпку, надеясь, что сын не заметит новой серьги, и пробормотала:

— Более чем. Обучение бесплатно, заплатить придется только за редкие книги. А потом сэй Никэ берет Мэйгут в ученицы и будет ей платить триста пятьдесят рюпов.

— В год? Маловато будет.

— В месяц.

Тайхан удивленно присвистнул и почесал затылок.

— Будь уверена, он из Мэй все соки выжмет. Она отработает каждый рюп.

— Не сомневаюсь. Что ж, это ее выбор. Никто ее не заставляет.

— Ну да. К тому же она — девочка с характером. Мне даже немного жаль сэй Никэ.

— Мне тоже. Ему жена еще покажет, как брать молодых и красивых учениц. Боюсь, как бы она его не придушила в порыве ревности.

— А это уже его выбор, — тихо засмеялся Тай. — Никто его не заставляет же-

ниться на оборотнице.

17. Ночь не для разговоров

Все это было совершенно невыносимо! Лея Нориз так подвела меня своим непланным отпуском, я просто ничего не успевала! Вернувшись из города, я, даже не пообедав, отправилась на занятия с теми ученицами, кто проявлял особый интерес к изучению языков Ранолевса или Эльзании. И потом еще — математика! Как будто других дел у меня не было!

Ужином тоже пришлось пожертвовать, мне хотелось поговорить с дочерью и порадовать ее добрыми новостями.

Однако к моему удивлению, Мэйгут, бледная и решительная, отнюдь не ждала меня с распростертыми объятиями. Напротив, она раскладывала на постели свои наряды, которых у нее накопилось немало.

— Что ты делаешь? — удивилась я.

— Переезжаю в комнату к бабушке Ши.

— Зачем?

— Освобождаю пространство для твоей личной жизни.

Я моргнула, не понимая, а потом догадалась.

— Откуда ты узнала?

— Запах. Я чувствую. Мне... неприятно.

Я повела носом, но вынуждена была признать, что ничего не чувствую. Пахнет листвой и лимонником, немного — пылью. Да полно, тут и было-то... утром. А окна были раскрыты весь день.

Огляделась растерянно: в комнате было куда больше вещей дочери, чем моих. Не так уж много у меня одежды, несколько юбок и три блузки. Ну, две шляпки на стене. И пара высоких ботинок на случай непогоды. Гребни, чулки, белье, немного косметики. А у Мэй тут и книги, и полный шкаф разноцветных шелковых кимоно, и самая разная обувь — для прогулок, для танцев, для занятий, и украшения для волос, и прочие мелочи. В крохотную каморку матушки Ши это все просто не уместится. К тому же старушка храпит как дракон, я это помню. И ветры ночные пускает, но об этом Мэй точно знать не стоит. Решено: уйду я.

Обещать, что моя близость с Кеем не повторится, я не могла. Не с серьгой в ухе.

— Оставь, — устало сказала я. — Я уйду сама. У меня вещей меньше. К тому же у меня есть кабинет, он большой. Поставлю ширму, за ней постель. И шкаф там поместится. В кабинете все равно никто, кроме меня, не бывает.

Да. Это хорошая мысль. Вызову плотника и перенесу книжные полки в учебные классы, на их месте поставлю шкаф для одежды. И все будут довольны.

— Я так не могу, — испуганно прошептала Мэй. — Разве я могу выгнать хозяйку школы из ее же спальни? Это просто неприлично!

— Ты все можешь, — грустно ответила я.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы ты была счастлива.

Губы у всегда спокойной Мэй вдруг задрожали, и я поняла, что дочь сейчас просто расплачется, а в последние дни я и так слишком нервная, чтобы видеть еще и ее слезы. Поэтому я пробормотала что-то про ужин и трусливо бе-

жала. Ладно, про обучение еще будет время переговорить. Завтра. Или через неделю. Или через год.

Итак, ночевать мне, очевидно, сегодня негде. В кабинете только стулья, стол и книжные шкафы, свободных постелей в доме нет. Лечь в комнате леи Норизэ? Да, пожалуй, так и сделаю. Возьму чистое белье, она ничего и не узнает. Пока же стоит все же поужинать, хотя бы кусок хлеба с молоком съесть, иначе ночью сон будет еще хуже, чем всегда.

Я, кажется, еще помнила, как холодно и грустно спать голодной, хотя прошло уже так много лет. И ведь не сказать, что в интернате воспитанниц плохо кормили, нет. Завтрак и обед были вполне приличными. А вот ужины — ранние и довольно скудные. Горстка овощей, крохотный кусочек мяса, а то и вовсе без него. Считалось, что скромный ужин и холод в спальнях воспитывает в нас кротость и пойдет на пользу здоровью. Болели мы, действительно, не часто, но вот голод ночью просто одолевал. Мы воровали кусочки хлеба за обедом и прятали под подушками... Когда его находили, нас наказывали — били розгой по рукам и лишали ужина. Но мы все равно прятали, под матрасы, под книги, в личные вещи. Уж очень хотелось есть ночью.

В Дивном Саду любая девочка может попросить добавки, и ей не откажут. Все равно не будет у учениц лишнего веса. Во-первых, ильхонцы к нему не склонны, а во-вторых, гимнастика, танцы и занятия с дядюшкой Пако никак не позволят девочкам растолстеть. А в какой форме пребывают учителя, мне безразлично. Лишь бы работали хорошо.

Поэтому в кухне всегда есть еда, даже ночью, чему я сейчас была чрезвычайно рада.

Нашла в шкафу пирог с малиной, налила из кувшина молока, не зажигая фонаря, поужинала. Не слишком полезно, ну и плевать. За последние пятнадцать лет я не изменилась совершенно: ни морщинки, ни седых волос, ни одного больного зуба. Все юбки и блузки, которые я привезла из Ранолевса, сидели на мне превосходно. Хотя, конечно, порядком износились, я уже пошила новые, точь-в-точь такие же. Словом, есть по ночам я могу сколько угодно. И женщины, склонные к полноте, могут с чистым сердцем называть меня ведьмой.

Нет, все же были во всей этой истории с Гарманионом определенные плюсы! Наверное, если бы не та встреча, я бы уже потолстела, вся покрылась веснушками и прятала седые прядки. А может быть, магия Дивного Сада и без того бы сохранила мою молодость. Вон, дядюшка Пако и матушка Ши для своего возраста выглядели просто великолепно!

Спать мне почему-то уже совсем не хотелось. Хотелось разговаривать. С Мэй беседы не вышло, лея Ши ложится рано, с учительницами дружбы я не водила. И снова оставался только Тайхан, бедняга, как же я ему, наверное, надоела за последние дни! Ладно, я только загляну на конюшню, вдруг он еще не спит? Если спит — пойду и я. Одним глазком загляну... Как старательно я убеждала саму себя, что иду именно к сыну!

На конюшне тихо и темно, к каморке Тая света нет. Но раз уж я пришла, не могу не заглянуть. Тихонечко, почти на цыпочках, я крадусь, но напрасно сдерживаю дыхание. Спокойный голос разбивает тишину:

— Тебя легко узнать по шагам.

— Как это?

— Юбка. Она шуршит совсем иначе, не как шелк.

— А... ну да.

— Я ждал, что ты придешь.

Пришлось все же приблизиться к стойлу, где разместился Кейташи. Ужасно неудобно разговаривать с невидимым собеседником. Свет луны проникал сквозь щели в дощатой стене, глаза привыкли к полумраку, и я уже отчетливо видела силуэт сидящего мужчины.

— Я не к тебе, мне нужен Тайхан.

— Среди ночи?

— Ну... да.

— Его нет.

— Как это нет?

— Ушел. Он часто уходит ночью.

— Куда?

— Откуда мне знать, я за ним не слежу. Иди ко мне, Мальва, ты вся дрожишь. Я согрею.

Тут я и в самом деле осознала, что меня немного трясет — от волнения ли или от ночного ветра, не знаю. Но мне страстно хотелось, чтобы Кей меня обнял. Я нерешительно потерев юбку и вдруг сказала:

— Мне сегодня негде спать.

— Это как?

— Мы с Мэй решили, что я перееду в кабинет. Она останется в спальне.

— Глупо. Она младшая, должна уехать сама. Что это она придумала?

— Нет, это мое решение. Завтра попрошу Тая перенести мою постель на второй этаж. И вещи.

— А сегодня ты пришла спать ко мне?

— Я уже ухожу.

Конечно, мне очень хотелось, чтобы он меня остановил. Вот просто подскочил и заявил, что никуда не отпустит. И поцеловал еще. Но Кейташи поступил проще: спокойно поднялся, подхватил меня на руки и уложил на одеяло, брошенное на солому. И сам улегся рядом. Мысли он, что ли, читает? Ну и пусть дальше тоже читает, зря я что ли амулет приобрела?

— Ты негодяй и хам, — нежно шепнула я, откидывая волосы и поворачивая лицо так, чтобы ему было удобно целовать мою шею.

— Не слишком-то тебя это печалит, — тихо усмехнулся он, обжигая нежную кожу дыханием. — И все же замерзла.

Не стала говорить ему, что дрожу не от холода, а от уверенной мужской ладони, безошибочно нашедшей грудь. И от второй, что пробиралась сейчас под юбку.

Я повернулась к нему и сама поцеловала в губы. Никакого страха или смущения я не испытывала, мне очень нравилось его трогать, исследовать, изучать. Поцелуи были не такие, как утром: неспешные, сладкие, длинные. Пальцы Кейташи поглаживали голое бедро под моей юбкой, мои руки зарывались в его черные гладкие волосы. Торопиться нам было некуда.

Кейташи закинул мое колено на своё бедро, рвано выдохнул и принялся расстегивать пуговицы блузки. Нижнее белье у меня особой изысканностью не отличалось, но он и не заметил, просто расстегнул очень быстро и ловко крошечные крючки и обнажил грудь. Никогда не думала, что эта часть тела у ме-

ня такая чувствительная! Пальцы, губы, язык, острые зубы пробовали меня на ощупь и на вкус, а я сладко постанывала, лишь прогибаясь, чтобы ему было удобнее. Но когда я попыталась стянуть с него рубашку, Кей вдруг воспротивился.

— Нет, Цветочек, так не нужно. Тай может вернуться в любую минуту. Не стоит ему видеть лишнего.

— Мы его услышим.

— Оборотня, который не желает никого потревожить? Боюсь тебя расстроить, но нет. Ты точно не услышишь. А я... буду слишком увлечён. Поэтому даже не думай. Нет.

Мне стало обидно. После таких поцелуев все тело горело, желая его рук. Да и он тоже дышал прерывисто, и взгляд был тяжёлым, горячим, жадным. Но — остановился. Значит, не так уж и хотел.

Я попыталась было вскочить, убежать, пристыженная и злая, но не позволил. Поймал, прижал к себе, застегнул обратно все крючочки и пуговики, поцеловал в лоб и велел:

— Спи.

— Да пошёл ты...

— Не будь ребёнком. Мы ещё наверстаем.

— Даже не мечтай, больше такого не будет, — пробурчала я недовольно.

— Спи, уже очень поздно.

Я хотела немного полежать, дождаться, когда он уснёт, и сбежать, но, разумеется, уснула первая. И проснулась уже, когда солнце было высоко. В одиночестве и укрытая одеялом Тайхана.

Браво, Мальва! Теперь точно никто не узнает, где и с кем ты провела эту ночь! Что ж, зато выспалась. Кто бы мог подумать, что спать на сене с мужчиной так спокойно и удобно?

А и плевать. Кто посмеет мне что-то сказать? Упрекнуть? Усомниться в моем праве? Пусть попробуют. Вообще-то я тут хозяйка.

Подбадривая себя и надеясь все же, что никто меня не заметит, я прикрыла лицо шляпой Тайхана (глупо, конечно, меня по юбке уже даже чужой человек узнавал) и осторожно прокралась в дом. Судя по времени, я безнадежно проспала свои уроки. Почему меня никто не искал?

Умылась, скинула мятую юбку, выбрала солому из непослушной шевелюры, затянула волосы в узел на затылке, а потом нервно распустила, вспомнив про серьгу. Любой знающий человек все поймёт с первого взгляда. Я ведь раньше не носила серьги. Не считала нужным. Кольца, браслеты, сережки — это лишняя трата денег. Я лучше куплю пару новых стульев или редкую книгу. Теперь я жалела: уж серьги-то могла бы и носить.

Сам артефакт был довольно скромным: простой белый камушек в обрамлении серебра. Беда была в том, что он один. Одна серьга — это непременно бросится в глаза. Надо вторую. К счастью, в Ильхонне модницы нередко носили и по две, и по три серьги в одном ухе. Могли надеть и разные, никого это не волновало. Надо, наверное, мне проткнуть и второе ухо, да? Как — иглой? Самой это сделать, наверное, больно. Но лучше так, чем снова ехать в город. Погляжу в шкатулке у Мэй, там точно найдутся какие-нибудь скромные серьги.

Вот так меня и застала дочь: растрепанную, полуголую и роющуюся в ее вещах.

18. Репутация

— Это не то, что ты подумала! — горячо воскликнула я, глядя на изумленное лицо Мэйгут.

Хотя... о чем тут можно вообще подумать?

— Мама, я ни о чем не подумала, — совершенно спокойно сказала девушка. — Ты что-то потеряла? Я могу тебе помочь?

— Мне нужны сережки, — сдалась я. — Самые простые.

Внимательный взгляд на мои уши, легкая улыбка. Я покраснела отчаянно, почувствовав, что мы каким-то образом поменялись местами. Я теперь — нашкодившая ученица, а она — строгая директриса.

Артефакт, должно быть, фонит для тех, кто сам почти что магия.

— Выбрось эту ерунду, — неожиданно усмехается Мэй. — Дешевка. И срывает через раз. Я сейчас тебе зачарую серьги, это несложно, меня Рене научила.

Я невольно гляжу на ее аккуратные ушки, украшенные длинными золотыми серьгами с эмалевыми цветами.

— Нет, не для меня, — дочь уже откровенно хихикает. — Для старших. Ты разве не замечала, что ни с одной из учениц не случилось подобной неприятности? При том, что они вообще-то нередко выезжают в город на всякие там праздники?

Нет, не замечала. Я считала, что все девочки — невинные цветочки, и сейчас просто хватала ртом воздух, словно рыба.

— Да и Тай вовсе не блюдет целомудрие, — добила меня дочь. — Я ему тоже сделала амулет. Вот, эти красивые.

Она вручила мне небольшие золотые серьги с изумрудами.

— Слишком дорогие.

— Ничего не слишком. Иди сюда, — Мэй как-то ловко вставила серьги в мое ухо, небрежно смахнув каплю крови. Было почти не больно. Вторую она вставила так же быстро.

— Сэй Никэ согласен тебя учить, — вспомнила вдруг я, трогая мочку уха.

— Интересно, чему? — фыркнула девушка. — Я тоже могу его научить кой-чему. У фэйри очень интересные представления о человеческом организме.

— Он возьмёт тебя к своим больным. И обещал достать лучшие книги.

— А! Это хорошо. Это просто замечательно. Когда можно будет начать? А он разрешит мне разрезать человека и посмотреть, что у него внутри?

— Разве что уже мертвого, — слотнула я.

— Ну разумеется, для начала — мертвого. А потом посмотрим.

Да, все же она — фэйри. Разве может нормальный человек желать такого?

— Я думаю, сначала вы будете учиться по книгам.

— Зря ты так думаешь. Танцам, музыке и боевым искусствам никто по книгам не учится. Точнее — начинают именно с практики. А теория уже нужна будет потом, когда есть какие-то представления о предмете. Так ведь и медицина — прежде всего действие, а не теория.

— Отличие в том, что танцами ты никого не угробишь, — хмыкнула я. — И музыкой тоже, разве что гитарой насмерть забьешь, но для это знание нот не нужно. Медицина, моя нетерпеливая — прежде всего теория. Без теории ты не будешь знать курс лечения. Конечно, ты, как и Рене, умеешь лечить интуи-

тивно, но сил на всех умирающих не хватит. Если можно дать человеку микстуру, зачем сразу резать?

Мэйгут задумалась, а потом медленно кивнула. Сложила пред собой ладони, поклонилась.

— Спасибо за вразумление, матушка, ты как всегда права. Я с радостью буду учиться.

— И не жалею о том, что начала так поздно, — тихо сказала я. — Никогда тебе не помешают ни знание языков, ни боевые искусства. А танцы и музыка... образованной и красивой женщине они только добавляют обаяния.

Мэй снова поклонилась, а потом убрала драгоценности в шкатулку и словно невзначай заметила:

— Сегодня Кейташи вел уроки у старших учениц. Ты ему позволила? Теперь вы... вместе?

— Нет, — немедленно вскипела я. — Не позволяла. И не вместе.

— Ты пахнешь им. Все будут знать.

— Кто — все?

— Оборотни так сразу учуют. И, конечно, поделятся наблюдениями с подругами. Ну и я тоже... чую. Хоть и не оборотень. Дозволь мне дать совет, лея Мальва?

— Дозволяю.

— Или пусть Кейташи уходит, или как-то официально его представляй ученицам. Не порти свою репутацию. Никто не осудит тебя за любовника, но не скрывай. Если скрываешь — значит, делаешь что-то постыдное. Если делаешь постыдное, тебя перестанут уважать и слушаться. Прости, я не должна тебе такое говорить, но ты — моя мать. Я не хочу, чтобы ученицы сплетничали за твоей спиной.

Она была совершенно права, моя не в меру взрослая и разумная дочь, а все же от ее слов остался неприятный привкус. Двадцать лет у меня была безукоризненная репутация, несмотря на внебрачного ребенка. Теперь же из-за случайной связи с почти незнакомым мне человеком я могла ее потерять. Как быстро сплетни выйдут за стены Дивного Сада? Учитывая то, что знает обо мне сэй Никэ — уже завтра.

Все верно, Кейташи должен уехать. Он вполне уже здоров, нечего ему тут делать. Да и не нужен он мне вовсе, поиграла и хватит. Сейчас я разыщу его и, наконец, подниму тот самый вопрос о гражданстве. Посмотрим, как далеко простирается его благодарность.

И заодно уточню, какого ворона он вздумал вести уроки, хотя я ему это запретила!

* * *

Кея не было ни в саду, ни в конюшне. По словам учениц, что сидели с тетрадями на скамейках, он собирался взять какие-то книги в моем кабинете. И за это я его тоже убью, никому нельзя в мой кабинет входить! Да это и невозможно, дверь закрыта не щеколду, а на ней охранный контур, который пропускает только меня, Мэй, Тая и матушку Ши. Наглый ильхонец никак не сможет туда попасть один!

Я поспешила на второй этаж и с изумлением и возмущением узрела в коридоре возле моего кабинета этого самого Кейташи... с моими книгами в ру-

ках! Как? Как он это делает? Сначала он попал в Дивный Сад, теперь вот — в кабинет! Колдун? Так ли он прост, как прикидывается? Нет, мне тут колдуны не нужны, пусть проваливает прочь. Но сначала объяснится.

— Лей Кейташи, я тебя искала.

Наглец тут же кладет книги на подоконник и шагает мне навстречу. Сегодня он особенно хорош. Черный шелковый халат с широким поясом выглядит торжественно. Волосы собраны в короткий хвост на затылке. Именно так и должен выглядеть хоть и молодой, но почтенный учитель. Вот только смотреть он должен совсем по-другому, а этот улыбается... нежно так, словно смотрит не на хозяйку школы, а на котенка.

— Выспалась? — очень мягко спрашивает меня. — Ты такая милая во сне... Я не хотел тебя будить. Прости, я провел уроки вместо тебя, мне показалось, что ты очень устаешь в последние дни... — он не давал мне даже слова вставить, продолжая болтать: — У тебя на носу веснушки, ты знаешь? Вчера вроде не было...

— У меня не может быть веснушек, — фыркнула я. — Ты врешь. Послушай!

— Тебе идет. Веснушки — это очень мило.

И смотрит так снисходительно, словно уверен, что я сейчас растаю и кинусь в его объятия. Возможно, так бы и произошло, если бы я не была на него сердита.

— Лея Мальва, а ведь ты была права, я не слишком хорошо преподаю математику. Твои старшие ученицы задавали мне каверзные вопросы и строили глазки. Признаться, я растерялся. Как ты с ними управляешься? Позволь мне взять у тебя пару уроков!

Он сейчас как никогда похож на кота, который подкрадывается к мышке. Что ж, коварный мой друг, я не собираюсь играть по твоим правилам. Думаешь, ты тут главный? Я докажу иное!

Делаю шаг вперед, к нему, облизывая пересохшие губы и невольно улыбаясь, когда он отступает.

— А ты красивый, — шепчу я, глядя Кею в лицо.

Он чуточку краснеет, прищуривая свои золотые глаза. Мне нравится его смущать. Игра у нас выходит странная. Первый раунд был за ним, потом, в конюшне, он сумел сдержаться. Может быть, я просто ему не понравилась? Одного раза было достаточно, чтобы попробовать и понять, что со мной ему неинтересно?

Нет. Я не самый большой знаток мужчин, но его несомненная реакция мне даже льстит. Я словно ощущаю жар, исходящий от его тела. Вижу почерневшие глаза и подрагивающие крылья носа.

Ильхонские девушки скромны и послушны, их воспитывают так, чтобы они во всем подчинялись мужчине. В их покорности и слабости — настоящая сила. Я не такая. Сейчас мне хочется его удивить. Смутить. Взволновать так, как он волновал меня своими жгучими взглядами. И плевать мне на все правила приличия, довольно! Все равно он уедет в ближайшее время.

Мужчина стоял неподвижно, прислонившись к стене, и будто ждал, что я ещё вытворю. Я поднялась на носочки, положила ладони Кею на грудь, мгновенно ощутив, как бьется его сердце. Он совсем не так равнодушен, как хочет казаться! Осторожно коснулась губами подбородка, потом провела кончиком языка по его губам, ловя короткий судорожный выдох, и тут же отпрянула, ко-

гда он подался мне навстречу, пытаюсь поймать ртом мой рот. Развязала пояс на халате, тут же его теряя. Вчера он мне этого не позволил, а сегодня я беру, что хочу, сама. Какая гладкая и горячая у него кожа! Пальцами исследовала кубики на животе и литые мышцы груди. Идеальная фигура, впрочем, в этом он вряд ли отличается от большинства ильхонцев, фанатично следящих за своим телом. А ещё он невероятно пахнет: летом, лимонником и нагретой на солнце травой.

— Мальва, ты чего добиваешься? — хрипит Кейташи, когда мои пальцы спускаются к поясу штанов.

— Я? — тихо хихикаю. — Я просто тебя щупаю.

— Как курицу на рынке?

— Именно так.

— И как? Берёшь? — его слова прозвучали на удивление двусмысленно.

— Я ещё не решила.

Скользнула ладонью ниже, с удовольствием убеждаясь, что он желает меня, и очень сильно. Снова вернулась к животу и бокам, уткнувшись губами в его шею.

— Бери, я хороший. Правда. Скидку сделаю. Нет, бесплатно отдамся.

— Какой-то неправильный товар, если бесплатно отдаётся, — усмехаюсь я.

— Только сегодня. Только тебе. Не понравится — вернёшь где взяла.

— Я подумаю.

— Все ясно, ты струсила.

— Точно! — делаю шаг назад, смеясь. — Ты прав. Лей Кейташи, прости, я вела себя неприлично. Пожалуй, пойду.

Его глаза удивленно округляются. Что, не ждал? Сначала почти соблазнила, потом отступила! А не нужно мне было отказывать там, на конюшне. Я запомнила.

— Ну нет, я не согласен, — Кей быстрым движением ловит меня за руки. — Никуда ты не пойдёшь.

Тянется к моим губам, крепко сжимая запястья.

— Лей Кейташи, женщина против. И ей больно.

О, как мне нравится его изумленное лицо! Я уже дважды сумела его удивить: сначала сделав первый шаг, потом отступив в самый интересный момент. Что он будет теперь делать?

— Ты ненормальная.

— Согласна. Я пойду.

— Нет. Остайся.

— Зачем?

Прямой вопрос снова ставит его в неловкое положение, а я откровенно забавляюсь. Мне нравится чувствовать себя роковой женщиной, нравится ощущать себя главной. Кей молчит, а скулы его краснеют. Снова щурится, а потом шепчет вкрадчиво и заманчиво:

— Я хочу тебя взять. Много раз. Поставить на колени на постель, намотать твои кудри на руку и стреножить тебя, как непокорную кобылицу. Хочу, чтобы ты выгибалась мне навстречу и сладко стонала. Хочу...

Теперь уже покраснела я, да так, что у меня уши запылали. Напрасно я думала его смутить, в этих играх Кейташи куда опытнее меня. А самое обид-

ное — у меня ноги от его слов дрожали. Я уже представляла себя перед ним на коленях, уже раскрывалась ему, отдавалась, почти стонала...

Он победил. Горячие губы накрыли мой рот, не встречая ни малейшего сопротивления. Пальцы зарылись в волосы, растрепывая, оттягивая, заставляя запрокидывать голову. Быстрый укус в шею, влажное движение языка... Как сладко!

19. Начистоту

— Открой кабинет, — хрипит Кей, с трудом отрываясь от моих губ. — Открой, не в коридоре же мне тебя раздевать!

— Судя по книгам в твоих руках, ты и сам можешь это сделать, — вспоминаю о своих подозрениях я.

— Я... — он вздрагивает и явно теряется. — Я...

— Колдун?

— Нет. Я идиот. Открывай уже.

Я усмехнулась. Как быстро ушла страсть, смирившись пред суровой реальностью! Уже не стучит сердце и не горят губы, только в голове бьется мысль: теперь поговорим начистоту.

Открыла засов, толкнула дверь ладонью, пропустила Кейташи вперёд. Закрыла дверь и заперла изнутри. Не сбежит теперь. Или сбежит?

В кабинете было чисто и свежо, я почти никогда не закрывала здесь наглухо окна. Главное, на бумаги положить что-то тяжелое, чтобы ветер не унёс.

Здесь я сразу вспомнила, что я не ученица, а директриса, хозяйка. И вообще не девочка неопытная, а уже солидная сорокалетняя женщина. А Кейташи — нашкодивший щенок.

Села за свой стол, кивнув в сторону стула, но Кей тоже не дурак и все сразу понял. Поэтому и не стал изображать из себя ученика, а сел прямо на стол, сдвинув бумаги. Каков наглец! Но до чего ж он мне нравится...

— Настало время серьезно поговорить, — начала я, сложив пальцы домиком, но он немедленно меня перебил:

— Вот только не надо тут. Директрису строй перед своими ученицами, а я не собираюсь краснеть и перед тобой отчитываться. А будешь брови хмурить — продолжу начатое в коридоре. Вот прямо на столе твоём тебе юбки задеру, так и знай.

Великие журавли, что же он со мной делает? Почему у меня вспыхнули щеки и сами собой сжались колени? Так дело не пойдёт, здесь главная я. Он — незванный гость в моей школе. Я сделала ошибку, поддавшись слабости, но все равно не позволю мной командовать!

— Лей Кейташи, попрошу слезть со стола и прекратить паясничать.

— А я тебя предупреждал...

— Все, хватит! — я сорвалась на крик и хлопнула ладонью по столу, наверное, немало его изумив и даже напугав. Для ильхонцев такое поведение совершенно неприлично, но я и не ильхонка. — Или ты объяснишься, или прямо сейчас покинешь Дивный Сад! Я больше не хочу играть в эти глупые игры.

— А чего ты хочешь? — неожиданно спокойно спросил Кей, спрыгивая со стола и прикрывая окно.

— Ответов на свои вопросы.

— Спрашивай.

— Для начала, кто ты такой?

— Меня зовут Кейташи Кио. Я из Императорского рода, как ты уже догадалась, но побочная ветвь. Мой отец лишь один из министров. Живу во дворце, на службе не состою, чина не имею. Разочарована?

О да. Ещё как. Видимо, Кей никак не сможет мне помочь с гражданством. Как обидно, все планы рушатся!

— Колдун? — мрачно спросила я.

— Нисколько.

— Тогда как ты попал в Сад? И в мой кабинет? Дверь закрыта контуром.

— Окно открыто.

— Ты карабкался по стенам с книгами в зубах? Не поверю.

— Нет, не по стенам.

— Тогда как?

— Это не тот вопрос, который я вправе обсуждать с чужой женщиной.

Его слова больно царапнули. Он прав, конечно, мы друг другу никто. Но обидно.

— Я поняла. Ты был при смерти. В тебя стреляли. Более того, тебя сочли мёртвым. Надеюсь, этот вопрос ты прояснишь, не поставив под удар мою школу.

— Это долгий рассказ, Цветочек.

— Мы никуда не спешим. Тем более, уроки уже окончены.

— Ладно, в конце концов, это уже почти и не тайна, — Кей ногой подвинул к себе стул и опустился на него. Кстати, пояс он так и не вернул на место, и халат бесстыже распахнулся, обнажая грудь и живот. — Что ты знаешь об истории Ильхонна, лея Мальва?

— А? — вопрос застал меня врасплох, но я ведь изучала это ещё в интернате. — Примерно двести лет назад внебрачный сын Императора Ниххона попытался свергнуть отца и захватить власть. К слову, Император в то время был под демоническим влиянием. В Ниххоне творились страшные вещи, пропадали люди, повышались налоги, было много смертных казней, но главное — слишком много екаев. Охотники гибли один за другим.

— Верно. А сын императора сам был наполовину ёкаем, кицунэ, лисом. Его невеста, Янголь, дочь одного из лучших охотников на екаев Акихиро Кио, обладала редким даром: она могла найти общий язык с самым страшным монстром, ее не трогали ни ёкаи, ни они. И она помогла Кайши пробраться в императорский дворец и освободить отца. Только это не спасло бы его от казни: у императора были и другие дети, Кайши по закону был предателем, тем, кто поставил под вопрос святость императорской власти. И за ним шли люди, несколько провинций Ниххона. Что было дальше, Мальва?

— Кайши и Янголь император дал корабли. И велел уплывать и никогда больше не появляться в Ниххоне. Они уплыли, а с ними и те, кто не хотел умирать за предательство. Но не в Ранолевс или в Эльзанию. Они уплыли на Ильхонские острова, и Острова приняли их, потому что помыслы их были чисты, а сердца отважны. Янголь стала первой Императрицей Ильхонна, а Кайши вошёл в ее род, потому что не хотел быть связанным с отцом. И ещё именно Янголь с ее даром смогла убедить местных фэйри, что люди могут жить с ними в мире.

— Почти верно. Да, я потомок Янголь Кио. И Ильхонн с тех пор открывал

свои берега для тех, кто искал убежище, кому нужен был дом. Это в Ниххоне не любили чужестранцев, а в Ильхонне всем были рады. Долгое время Ниххон игнорировал своего соседа. Но сейчас стало известно о том, что у Ниххона есть свои планы на наши благословенные острова.

— Какие планы? — похолодела я. — Завоевать? Поработить? Но это невозможно! Здесь — царство фэйри. Даже огнестрельное оружие не работает, даже технического прогресса нет! Военные корабли Ниххона просто не смогут подойти к нашим берегам!

— Увы. Фэйри давно ушли в свои леса, им уже нет дела до берегов. У нас нет второй Янголь, которая смогла бы убедить их прийти на помощь в войне. А что до прогресса... Уже в столице ездят паровые машины. Начали строить железную дорогу к Шейнару, через несколько лет не нужны будут кони, чтобы объехать остров вдоль и поперёк.

— То есть... будет война? — испуганно прошептала я. — Моя школа, мои дети...

— Если все получится у нас, то нет. То есть, война будет, но не в Ильхонне. Мы... мой отец и его соратники давно пытались разжечь восстание в Ниххоне и закончить то, что не удалось Кайши и Янголь. Императорской власти должен прийти конец. Ниххоном будет править народ, а не полубезумный старик, заперевшийся во дворце.

— Но... если люди не будут умирать здесь, они умрут там? — я никак не могла уложить в голове этот факт. Мне совершенно не хотелось, чтобы война была где угодно. — Вряд ли Император просто так отречется от престола?

— Разумеется, нет. У него армия. У армии — ружья, артиллерия, боевые аэростаты. Но императорская казна давно пуста, а у повстанцев будет золото. Даже если они не победят, то Ниххону будет не до завоевательных походов ещё долго. И именно поэтому я приехал в Шейнар. Совсем скоро сюда будут прибывать ниххонцы, которые побегут из своих земель. Женщины, дети, старики. Нужно строить дома, нужно подготовиться. Война — всегда дурно, Цветочек. Но лучше у них, чем у нас, поверь. Не волнуйся, ничего с твоим Садам не случится, мы справимся.

— Так кто в тебя стрелял? — перебила я, не желая даже думать о войне.

— А вот и мне интересно, кто. Очень интересно. И это не первый случай. Несколько раз на меня нападали ещё во дворце: сталкивали с лестницы, «нечаянно» кормили ядовитой рыбой, даже пожар устраивали. Но я отчего-то был уверен, что это простое совпадение. Теперь же все встало на свои места. Я только понять не могу, почему я, а не мой отец? Я — лишь его руки.

— Если человеку отрубить руку, ему будет больно, — мрачно сообщила я. — И на некоторое время он выйдет из игры.

— Или станет играть по другим правилам, — не согласился Кей.

— Или так. Значит, в тебя стреляли? И ты как-то пробрался в Дивный Сад? Зачем?

— Не знаю, я не помню. Уже не соображал. Наверное, пытался спрятаться за эти чудесные зачарованные стены.

— А волосы почему обрезал?

— Маскировался.

— Допустим. И что мне теперь грозит? Меня тоже убьют?

— Ты вообще ни при чем. Судя по всему, отец прекрасно знает, где я и с

кем. И прикрыл мою задницу, объявив о моей смерти. Поэтому ты точно в безопасности, не волнуйся.

— Тебе надо уходить, ты не можешь жить здесь вечно.

— Верно. И... я долго думал... Мне нужна помощь, Мальва.

— А почему ты смотришь на меня? Я всего лишь женщина. Чужестранка. Хозяйка школы. Не убийца, не шпионка, просто женщина.

— Вот именно. Идеальный вариант. Иностранка, яркая, красивая, умная. Да ещё прекрасно разбирающаяся в людях. Никто и не подумает, что ты можешь быть со мной заодно. Поедешь во дворец и будешь моими глазами и ушами. Там явно есть предатель, и ты сможешь его найти. Здорово я придумал?

Слова, которые я ему сказала в ответ, пожалуй, опущу. Там было много выражений, которых женщине не стоит даже слышать, не то, что произносить. Кей же смеялся на мои возмущения, а потом прервал меня удивительно властным жестом.

— Цветочек, ты пойми. Ниххон — это не только люди. Это ещё и екаи. И в последние годы там все очень грустно. Таких охотников, как мой предок, Акихиро Кио, больше нет. В Ниххоне нет. А у нас есть, мы давно уже вырастили небольшую армию. Но если не найдём предателя... может статься, нам придётся бороться с екаями на своей земле.

— Если честно, то мне до этого дела нет, — устало выдохнула я. — Придут екаи — меня убьют. Все. Не придут — не убьют. Я ничего не смогу сделать. Я не герой, Кей. И вообще, отстань от меня, я все равно не могу поехать в твой дворец.

— Почему?

— У меня нет гражданства Ильхонна. А без него покинуть Шейнар невозможно.

— Но почему ты не подала прошение? — округлил глаза Кей. — Это же так просто!

— Да ну? А ты знаешь, что прошение подаётся лично? А чтобы выехать из Шейнара, мне нужно разрешение, подписанное губернатором? Увы, мой друг, мне он ничего не подпишет. Мы с ним не ладим.

— Что ты ему сделала? — заинтересовался Кейташи. — Отказала в близости?

— И это тоже. А ещё я не «продала» ему жену. Он хотел выпускницу моей школы, а я посмела сказать, что мои девочки выбирают себе мужа сами. Его никто не захотел.

Кей расхохотался.

— Конечно, я могла бы попросить кого-нибудь отвезти мое прошение, но где гарантия, что оно не затеряется? Там все так сложно...

— Да, такие дела нужно решать лично, — кивнул Кио. — Но есть и другие способы.

— Есть, — усмехнулась я. — Выйти замуж за ильхонца, например.

Уверена, он имел в виду тот закон с рекомендациями, и мои слова застали его врасплох.

— Хочешь за меня замуж? — бросил он небрежно.

Теперь уже растерялась я.

— Нет, — ответила честно. — Я не такая дура, чтобы выходить замуж и отдавать свою школу и банковские счета мужчине.

— Тогда остается один вариант, — он прищурился и снова стал похож на довольного кота. — Ты помогаешь мне, а я позабочусь, чтобы тебе дали гражданство за особые заслуги.

20. Выгодная сделка

— Я тебе жизнь спасла, Кейташи Кио.

— Мелочи. Тем более, официально я все же умер. Я никто, Цветочек. Третий сын одного из министров. Даже не императорский отпрыск.

— Ты мог бы помочь мне просто так, — надула губы я. — Из дружбы.

— А мы разве друзья? — из веселого и обаятельного парня Кей вдруг превратился в циничного и злого дельца. — Мы всего лишь переспали. Один раз, заметь. Да и то только потому, что мне было любопытно: смогу ли я соблазнить холодную и непрístupную хозяйку школы. Интересная задача, но, как выяснилось, вовсе несложная.

Наверное, я побледнела. Во всяком случае, вдруг почувствовала, что руки становятся ледяными, а в груди не хватает воздуха. В глазах потемнело. Стало вдруг очень больно. Со мной просто играли. Снова. Второй раз на одни и те же грабли.

— Ну, тихо, тихо, только не падай в обморок, — раздался вдруг взволнованный голос над головой. Сильные руки буквально выдернули меня из-за стола и прижали к крепкой груди. — Я сказал неправду. То есть правду, но не совсем. Не всю. Ты мне очень нравишься, Цветочек. Я не хочу с тобой расставаться. Помоги мне, прошу тебя, я отчего-то знаю, чувствую, что ты сможешь.

— Убери свои грязные руки, — прохрипела я, трепыхаясь, впрочем, не слишком усердствуя. — И убирайся из моей школы.

— Точно! Школа! А если я пообещаю, что если ты мне поможешь, у Дивного Сада появится покровитель из императорской семьи?

— И как ты это устроишь? — заинтересовалась я.

— У меня достаточно сестер и теток, с которыми я дружен.

— А если я ничем не смогу тебе помочь? — Уж в этом-то я была убеждена. Какой из меня шпион?

— Я заранее решу этот вопрос.

— А если тебя все же убьют? Что будет с моим гражданством?

— М-м-м... Я поговорю с отцом об этом.

— Ну уж нет, мне нужны твердые гарантии.

Я совершенно успокоилась, поняла, что Кейташи все равно не отстанет, вынудит меня с ним сотрудничать — не по-хорошему, так по-плохому, с его связями он может найти немало рычагов воздействия, и теперь намеревалась извлечь максимум пользы из этой странной сделки.

— Договор, — вздохнул Кио, и я кивнула.

Следующие полчаса мы сражались за каждый пункт нашего договора. Я требовала невозможного: приглашения для моих выпускниц на ежегодный императорский бал, причем уже сейчас, буквально завтра, а не когда мы найдем неизвестного предателя. И полного освобождения школы от налогов (знаю, что это чересчур, но вдруг получится?), и свое гражданство, и права пользования императорской библиотекой для Мэй и сэя Никэ. И еще — что все эти преференции сохранятся за мной, даже если Кея таки убьют.

— Ты невозможная, — выдохнул он, когда на договоре была поставлена

точка. — Никогда больше не буду с тобой торговаться!

Я польщенно улыбнулась и напоямила:

— Все наряды — за счет казны. У меня нет денег на новые платья.

— Не ври, я уже навел справки о твоих банковских сбережениях. Ты богата, как дракон.

— Это не мои деньги, а школы. И Мэй. Тратить их на тряпки глупо.

— Хорошо-хорошо, я же уже подписал. Отец меня убьет, конечно. Но хотя бы у него есть такая возможность. А могло бы и вовсе не быть.

— И раз уж мы сотрудничаем, ты должен открыть свою тайну, — потребовала я. — Так как ты попал за забор? Должна же я знать все твои способности.

Он вздохнул и пристально на меня посмотрел.

— А ты останешься моей любовницей, лея Мальва? — прозвучал неожиданный вопрос.

— А какое это имеет отношение к нашему делу? — растерялась я.

— Самое прямое. Я готов доверить секреты своей женщине, но не готов — просто соратнице. Я ведь тоже совсем тебя не знаю.

— Чего ты не знаешь? Ты уже успел сунуть нос в мои счета! — возмутилась я. — Держу пари, и все остальное ты уже вызнал, вплоть до моего табеля в интернате!

— Нет, не успел. Все, что я знаю — ты приплыла в Ильхонн следом за женихом, потом устроилась учителем в школу леи Ши, потом жених тебя бросил с ребенком. Подлец, конечно, ничего не скажешь. А про счета случайно узнал. Правда.

Да. Он даже не в курсе, кто настоящий отец Мэйгут. Забавно, эта история, видимо, сильно навредила в свое время Ивгену. Впрочем, мне его несколько не жаль.

— Кей, а что насчет обмена? Секрет за секрет, а?

— Не интересуется. Все, что мне нужно, я и так узнаю рано или поздно.

— У тебя мало любовниц во дворце? — я откровенно веселилась, торгуясь с ним. Отказываться от его предложения я не собиралась, в конце концов, эту часть жизни я совсем не знаю, а Кейташи — великолепный учитель. Да и серьги, опять же, уже вставлены... Зря я что ли позорилась перед Мэй?

— Достаточно у меня любовниц. Но хочу я тебя.

— А я могу быть уверена, что буду единственной? Не хотелось бы бороться с кем-то за знаки твоего внимания.

— Можешь. Обещаю — буду только твоим.

— Я согласна.

Его глаза вспыхнули торжеством. Уверена, он думает, что обманул меня. Конечно, если мы работали бы вместе, рано или поздно я бы узнала его тайну. Так что он просто-напросто выманил у меня это согласие... практически даром. Вот только я и сама была не против. И вряд ли бы долго ломалась, приходи он ко мне ночью в спальню. Поэтому я тоже опустила ресницы, стараясь не рассмеяться. А когда подняла глаза, Кей в комнате уже не было. На спинке его стула сидела птичка, самый обыкновенный садовый дрозд, которых мы нещадно гоняли, чтобы они не объедали ягодные кусты.

Да как так?

Я зажмурилась, все еще не понимая, а когда открыла глаза, на стуле снова сидел Кейташи. Слово он и не улетал... тьфу, не исчезал никуда.

— Ты оборотень? — тупо спросила я.

— Ну, почти. Я — птица. Дрозд. Это дар нашего рода. Все Кио так умеют.

— А... тот, легендарный?

— Нет. У Акихиро Кио жена была птицей. И все его дети. И Императрица Янголь тоже.

— И ты запросто превращаешься?

— Да. И в твой сад я так и попал. Просто перелетел через забор. Ума не приложу, как умудрился перевернуться со стрелой в груди. И обратно. Чудо какое-то, но я почти ничего этого не помню.

— И в мой кабинет.

— Ага. Через окно.

— И в банке?

— Да. Слетал следом за вами.

Я глубоко вздохнула. Да уж, союзничек. Зачем ему такая как я? Ну да ладно, я могу вообще ничего не делать, все равно по договору уже получила все, что мне нужно, и даже больше.

— И что теперь?

— Я улечу, — тут Кей усмехнулся лукаво. — А ты поедешь следом. За разрешение на выезд не волнуйся, все устрою. И во дворце тебя будут ждать.

— А вот этого не надо, — покачала головой я. — Если ты хочешь, чтобы никто не узнал о нашей связи раньше времени, ничего не делай. Я сама.

— Это не просто. Могут и не пустить.

— Не волнуйся, у меня есть план.

— Хорошо, я тебе верю. У тебя неделя на улаживание всех дел тут. И пусть Тайхан мою лошадь во дворец приведет, я буду добираться своими путями. Не хочу, чтобы меня заметили.

— Тогда... прощай?

— До встречи, Цветочек, — он перегнулся через стол, быстро поцеловал меня в губы, сгреб свой экземпляр договора и исчез. Превратился в птицу, быстро и как-то очень просто. Я снова ничего не поняла, несмотря на то, что в этот раз не сводила с него глаз.

* * *

К моему искреннему счастью, в тот же день вернулась лея Норизэ. Я уже сходила с ума, не зная, за что хвататься. Менять расписание? Убирать уроки эльзанского и ранолевского? А что делать с математикой? Справится ли матушка Ши без меня с управлением школы?

Возвращения учителя математики и закона немного меня успокоило. К тому же она привезла с собой мать — маленькую бойкую женщину, даже не старушку еще, а просто пожилую лею. Мне она понравилась с первого взгляда, несмотря на бледность и явно нездоровый вид. Я с ней побеседовала и предложила остаться у нас кухаркой — конечно, после того, как ее осмотрит сэй Никэ. Так у матушки Ши будет больше свободного времени. Лея Норизэ снова пыталась рыдать и целовать мне руки, но была безжалостно остановлена и мной, и матерью.

А я плюнула на все и отправилась спать. Утро вечера мудренее.

Постелила я в кабинете, Тай быстро перенес туда постель. Хотелось одиночества, а Мэй могла задать мне неудобные вопросы, на которые у меня пока не

было ответов.

Я погасила лампу, прикрыла немного окно и растянулась на свежей простыни. Как же поменялась моя жизнь с момента появления в моем саду Кейташи! Я раньше думала, что больше ничего интересного не будет, что все, чего я могла достичь, достигнуто, что впереди только мир и покой, но теперь предвкушала поездку в столицу, встречу с императорской семьей и прочие приключения. Про возможную войну в Ниххоне старалась не вспоминать, все равно тут ничего от меня не зависит. Лишь бы ёкаи не добрались до берегов Ильхонна. А если вдруг такое случится — я надеюсь, что успею сбежать с детьми в Ранолевс. Да я всю школу туда вывезу, если понадобится!

Ночную тишину нарушило хлопанье крыльев и неожиданная птичья трель. Надо же, я и не предполагала, что дрозды умеют петь ночью!

— Ты же не думала, что я исчезну, не получив задаток в нашей дивной сделке? — прошептала темнота голосом Кейташи, и я, тихо засмеявшись, раскинула руки, принимая его в свои объятия.

Думала, не думала... Надеялась. Мечтала. Но, признаться, уверена вовсе не была. Слишком уж невероятно сложный мне попался мужчина. То он смеется и осыпает меня поцелуями, то разговаривает строго, даже сурово и говорит страшные вещи. Наверное, у меня еще будет время узнать его душу, а сейчас пришел час узнать его тело, гладкое, горячее и такое манящее.

Тихие вздохи, сладкие поцелуи, шорох одежды. Пальцы в моих волосах, ногти, впивающиеся в его плечи. Какая длинная была эта ночь... и как быстро она закончилась! Слишком быстро.

Тем важнее спешить. Я хочу попасть во дворец как можно скорее.

А утром, когда умывалась, я с ужасом обнаружила у себя на носу веснушки. Не одну, не две, куда больше. Не-е-ет! Я в юности так мечтала от них избавиться! Так радовалась, что в Ильхонне, очевидно, другое солнце, и моя кожа стала белой и чистой! И вот вам пожалуйста, эти твари вернулись! Что дальше? Я стану пятнистой, как яйцо зарянки? А потом они появятся на плечах и спине? Это ужасно!

Я побежала к Мэйгут и потребовала, чтобы она немедленно меня вылечила. Ах, как она смеялась! Просто заливалась смехом. А потом сурово ответила мне, пряча улыбку в уголках дрожащих губ:

— Веснушки — это не болезнь, я не могу их убрать. Но есть всякие способы: лимоном кожу протирать, например, или маска из простокваши. Говорят, еще настой петрушки помогает.

Я махнула рукой безнадежно: все это я когда-то пробовала. Что ж, нужно купить несколько новых шляп с широкими полями. И шарфик, прикрывающий шею и плечи. И зонтик от солнца. И все же, почему они появились как раз перед поездкой в столицу? Это нечестно! Я буду некрасивая. Вряд ли ильхонцы оценят теперь мою внешность, они ведь так любят идеальных людей!

Какая глупость — я так долго спорила с Кейташи, так дорого продала свою помощь ему, а теперь готова была отказаться от сделки только потому, что стеснялась своих веснушек! Ну уж нет, я взрослая, самодостаточная женщина, я видела немало трудностей в жизни, справлюсь и с этим. Тем более, что Кей вроде бы сказал, что ему нравится.

Только вперед, лея Мальва. Нас ждет штурм императорского дворца.